

Анастасия Снежина

Папиж

МОСКВА / БОСЛЕН

Часть первая
Девственница

Глава 1

1

Я скучаю даже по тому слабому запаху, когда она иногда, тихо сидя в одиночестве за компьютером в кресле, забывшись, слегка неслышно пукнет. Желанный, милый запах и тот... Да что там говорить «скучаю». Тоскую!.. Потому что где она сейчас там, моя девственница...

Мне ее привел отец. Он работал прорабом на строительстве моего охотничьего дома, отменный специалист, ответственный, исполнительный, с фантазией, с трудолюбием. Он привел ее, когда я решил в близлежащей умирающей деревеньке, где я во время этого строительства временно обитал, открыть магазинчик. Как-то совсем завшивленной показалась мне деревня, и захотелось что-то для нее сделать, чтобы хоть магазин был. Какие бы мы ни были ненавистные народу новые буржуи, но если мы выросли и прожили большую часть жизни еще при социализме, смотреть на разорение собственной страны всегда невыносимо. Больно. Грустно. Отец привел ее для того, чтобы я взял ее продавщицей. В большом поселке в десяти километрах от меня, где они жили, работы не было, а в Москву он ее отпускать не хотел. В этой же деревне, обиталище пенсионеров и летних дачников, напротив, не было рабочих рук вовсе.

7

— Пусть некоторое время поработает, — сказал он — хоть до лета, а там я ее определю куда-нибудь.

Я согласился, и на следующий день он мне ее привез. И я ее увидел в первый раз.

Я уже больше года жил в одиночестве, снимая в деревне небольшой коттеджик и скрываясь в нем от людей и от своих конторских забот, от надоевшего уже до осатанения своего «предпринимательского дела»; спихнув заботы по предприятию на исполнительного директора, даже и не приезжавшего ни разу ко мне из Москвы; и жил воспоминанием старого, почти забытого уже занятия, являвшегося делом всей моей прежней жизни, до начала новой эпохи в существовании страны, — за сочинение прозы, и в соответствии с новыми ожиданиями читающих людей творил «круто»-эротические романы, новый жанр нового времени, с увлечением пытаюсь выразить новым языком все те же прописные истины, чем, придя к такому неутешительному выводу, несмотря на все свои попытки оригинальничать и яростные потуги вырваться за рамки привычной правильности, по сути, и занимался всю свою жизнь, закрывшись на все замки в уединенности, одержимый лишь освоением незнакомой для меня прозаической реальности и обходясь помощью по хозяйству приезжавшей раз в неделю из города на денек-другой немолдых уже лет бывшей няней нашего ребенка. В коттеджике была сауна, было несколько спален, кабинет и каминный зал, в который отец ее и ввел.

И вместо ожидаемой деревенской Оклахомы я увидел редкой красоты молодую девушку.

Я даже поднялся ей навстречу.

— Наташа, — представилась она.

— Александр Борисович.

— Это твоя дочь? — переспросил я прораба.

— Да, дочь...

У нее были тогда крашенные в черный цвет волосы, роскошные плечи, с которых просто спадала какая-то открытая сверху, молодежная, по-современному максимально открывающая тело кофта. Линии подбородка, шеи и груди были просто изумительны. А когда она смеялась, а чаще хохотала, вскинув подбородок вверх, она обнажала такие невообразимо белые, ровные

и красивые зубы, да и весь свой большой, обворожительно влекущий к себе рот — который она, заходясь в смехе, иногда еще и забавно прикрывала ладошкой, — что ты начинал, глядя на нее, просто глупо улыбаться и забывал даже суть предмета, над чем был смех. А смеяться она любила. Господи, потом ей иногда по-детски достаточно было показать палец, и она, сама смеясь над собой, не могла удержаться от хохота.

Мы чинно раскланялись.

— Кем вы работали? — спросил я, когда мы сели в зале за стол друг напротив друга. Я с одной стороны, а они с отцом — с другой. Конечно, мне хотелось смотреть только на нее, но вежливости ради я переводил глаза с одного на другого.

— Менеджером по туризму.

— Где?

— В Твери.

— И большой у вас стаж?

— Два года.

— Не болтай, — сказал отец и добавил за нее: — Она проработала шесть месяцев.

— Если учитывать учебу в колледже, то и все три года, — улыбаясь, сказала она, нисколько не стесняясь своей лжи, и натянула рукава кофты на кулачки.

— А образование?

— Незаконченное высшее, — был еще более бойкий ответ.

— В девятнадцать лет?

— Да, — улыбнулась она, — колледж по туризму.

— О, это серьезно, — с напускным одобрением поддержал я ее очередное хвастовство. — И очень необходимо в сельском магазинчике, надо полагать, в который будут ходить десять пенсионеров.

— Да, следовало бы подготовить расчеты и для начала просчитать рентабельность.

— Очень грамотное решение, — сказал я, и мы все расхохотались, причем больше всех хохотала, конечно, она, а я сидел и смотрел.

— Если еще учитывать, — добавил наконец я, — что магазин здесь при любом расчете рентабельности будет приносить только убыток.

Я сразу понял, что она не захочет оставаться работать в этой дыре, в этом захолустье, отцу просто надо было ее запихнуть куда-то поближе к себе, он не хотел от себя отпускать это сокровище, этого имеющего уже тело развитой взрослой женщины ребенка в алчный незнакомый мир, поскольку, что будет с ней в Москве или в другом большом городе, можно было только догадываться; но мне уже и самому страшно захотелось ему помочь, захотелось чем-то ее зацепить. Лишь бы она не оставила нас. Именно так и думалось уже: нас с ним.

— Ну, здесь можно организовать базу отдыха, например, — сказал я. — Здание магазина большое, мы используем только незначительную часть.

— Надо составить бизнес-план.

Мы с отцом только переглянулись.

— Слишком грамотный работник, — опять повторил я. И опять смотрел на то, как она смеется.

2

Santana office @...pisma.ru

Уважаемые мои сотрудники, у меня в деревне страшные изменения. Кончилось мое уединение и спокойствие. Я взял в магазин продавщицу. Зачем я это сделал?! Лучше бы погибла деревня в своем маразме. А теперь в моей тихой намоленной обители, где я так скромно жил, в моем глухом углу, в котором зимой, как в старой песне поется, «назад пятьсот, вперед пятьсот», где можно на улице час стоять и не увидишь ни одного прохожего, все забились по своим норам; где живут безвылазно в своих домиках одни пенсионеры, где женщин нет в принципе, одни древние старухи, где даже скотины симпатичной нет и где, как вы знаете, я заточил себя на долгое время писать свои порнографические романы, теперь обитает молодая красивая девушка, появляясь иногда у меня в доме и расхаживая еще и по моим святым местам, по моей освобожденной от всякого женского духа территории — по моей просьбе она готовит в моем монашеском одиночестве мне еду — с голой поясницей, а то и в топике и юбчонке, обрезанной выше всякой возможности, как

это у них сейчас заведено, так что я едва сдерживаю себя, чтобы не подойти и не потрогать, а когда садимся за стол обедать друг против друга, я, глядя в ее роскошные глаза перед собой, даже забываю иногда есть.

А уж как я пушу перья!..

Представляете мое положение?

И муза моя порнографическая, ревниво собрав раскиданную по дому одежду, отбыла в неизвестном направлении...

И еще неделю спустя

Santana office

И хотя я привык к ней уже и стал обращать внимание на недостатки, и уже не подпрыгиваю, как первые три дня, но тем не менее как с этим рядом можно жить? В моей-то келье, да еще к тому же когда отец ее у меня прорабом работает, да к тому же когда он еще и бывший боксер. С ума сойдешь! Как хорошо было, когда мне по хозяйству Надежда Серафимовна иногда приезжала помогать, бывшая няня нашего ребенка, пенсионерка. А тут — ну, ни в какие ворота! Хорошо хоть она у меня час-полтора бывает всего, пока обед готовит, а так бы вообще уже крыша съехала. Скажите, мужики?

3

Они приехали сюда из Средней Азии всей семьей в начале нового века. Родители держались там до последнего, но национальный момент, возникший с развалом Союза, преломить не смогли, и уехать им пришлось. Тем не менее она всегда, может быть, даже и сейчас свою азиатскую страну, свой флаг, их гимн, свой городок считала и считает своей родиной. Несмотря на то, что они были, пусть и рожденные на чужбине, но на сто процентов русские. И, кстати, может быть, даже более русские, чем в этой нашей коренной, влачащей все еще по недоразумению химерическое название Россия, куцей, обкромсанной стране. Мама ее до сих пор называет нас, живших здесь всегда, «эти русские», потому что после того оазиса, после того рая их жизни с настоящими православными доброжелательными хлебосоль-

ными и насквозь русскими отношениями в маленьком наполовину русскоязычном и расположенном в среднеазиатской пустыне городке бывшего Советского Союза те люди, с которыми они столкнулись по возвращении на их так называемую историческую родину, показались просто чудовищами. Алчные, завистливые, злые, ленивые, съехавшие с роликов от нищеты и потери каких бы то ни было нравственных ориентиров, да еще и пьющие мертвую. И где бы они ни жили: в городе, в деревне и, наконец, в поселке городского типа на берегу все еще остающейся великой русской реки под названием Волга — они везде встречались только с такими. И убежденность в этом мнении об «этих русских» лишь крепчала день ото дня.

В школе сверстники встретили Наташу, естественно, враждебно. В поселке Вишневы, где они закончили свои скитания в поисках наиболее благоприятного места для жизни в стране, где смогли получить квартиру и, используя наработанные за жизнь в Азии доллары, со временем завести маленькое дело, открыть магазинчик и как-то сносно существовать, дети нисколько не отличались от тех детей, что были везде и, в том числе у них на родине. Потому что дети, они дети всегда, несмотря на национальность, на социальные строи, разруху или изобилие, или нравственный климат в обществе; они везде одни и те же, они вне социальных игр, вне политических систем и глобалистских интересов, они всегда живут инстинктами, своими детскими представлениями, посредством которых они начинают постигать мир. Это уж потом к ним приходят понятия добра, смирения, зачатки философского осмысления и национальные особенности, но вначале они живут как Маугли в джунглях. А в полудеревенской, поселковой, малокультурной среде тем более. Культ силы. Право сильного, лидерство, драки, детская жестокость, непереносимость ущербных и т. д.

Поэтому она с самого начала была всех. Кто подразнил, кто ущипнул или хлопнул по попке (а со временем было за что ущипнуть и что хлопнуть) — сразу, ударом с ноги, так что обидчик улетал в стенку. Еще в Азии — а приехала она оттуда в 12 лет — она занималась карате и все приемы всегда использовала с избытком, да и силой ее Бог не обидел. Торс у нее был атлети-

ческий, грудная клетка мощная, на ней еще был третий номер бюста, кулачки, на которые она натягивала кофту, стесняясь все-таки их, неточно было назвать кулачками. Когда она подавала в волейбол, играя на районных соревнованиях за свою поселковую команду, подачи ее не принимал практически никто.

И в то же время она была удивительно сексуальна, удивительно женственна. Несмотря на свой атлетизм. Скорее даже не женственна, а именно сексуальна. У нее была такая попка, развитая, наверное, так потому, что в детстве, как любила рассказывать мать, она научилась первоначально прыгать на ней для передвижения к цели, а уж только потом научилась ходить. Такая круглая и выпуклая — причем одни мышцы, без всякого лишнего жира, — что ее коснуться стремились не только мужчины, но и женщины. Как-то не чужды и женщины оценки чужой женской красоты, есть у них это компанейское неревнивое отношение к своей общей женской природе. Так вот ее попка была и для женщин притягательна.

А уж когда она играла в волейбол, в зале собирались все поселковые парни.

Другими словами, сексуальностью ее Бог не обидел.

Чем обидел, так это родовой травмой на лице. И до того как она приобрела третий номер бюста, даже мальчишки дразнили ее то камбалой, то циклопом, а уж девочки... те вообще усердствовали в обидах, даже и в то время, когда она начала развиваться телом, но с этими-то она дралась как черт, пусть удары вполсилы, или даже в четверть силы, но этого хватило, чтобы установить в школе, а потом и во всем поселке абсолютное лидерство.

Была она всех. За претензию на ее лидерское положение, за нелюбезные отзывы о ней своих, а также и заезжих из районного города строящих из себя Бог весть что выскочек. Всех она ставила на место. Одной девочке, приехавшей из Москвы и претендовавшей на лидерство уже в тесном кругу ее друзей-мальчиков, когда та стала распространять о ней недоброе, она так отбила почки, что девочка неделю мочилась кровью.

Но и самой перепало, поскольку мальчишкам и мужчинам она тоже не спускала. Так ей и от них доставалось, особенно от мужиков. Однажды на Черкизовском рынке, куда они заехали

семьей, когда были в Москве на машине, ее ущипнул за попку проходивший мимо азербайджанец. Она в прыжке сразу ударила его ногой и в ответ получила такой пинок в живот, поскольку уклониться не смогла — в руках у нее были сумки, что согнулась и долгое время не могла распрямиться. На шум прибежал отец, завязалась драка, о которой даже ей было страшно вспомнить. Весь азербайджанский Черкизовский рынок с ножами пошел на отца, и ему пришлось оторвать стойку заграждения. Увела его наша милиция, на ходу оправдываясь, что винить за то, что забрали его, русского, а не азербайджанцев, надо не их, милиционеров, а московское начальство, которое полностью сдало город азербайджанской общине. Что говорить, джунгли чистой воды, она другой жизни и не представляла, волчья стая, в которой надо обязательно выживать и поддерживать лидерство.

Она и мне первое, что заявила, когда появилась у меня в доме одна, что у нее черный пояс по карате, в то время как я уже тянул руки, чтобы помочь ей снять шубку. Воинственная неприступная аталанка, агрессивная амазонка.

Под глазом у нее был небольшой шрам, который, конечно, сильно уродовал левую сторону лица, потому что притягивал к себе взгляд, но он не затрагивал божественной красоты лица в целом. И все у нее покрывала улыбка. И даже не так... какая-то харизма. Несмотря ни на какую ее ущербность, явный недостаток, от лица ее нельзя было отвести глаз.

И от поклонников у нее отбоя не было. На дороге, когда она шла по тротуару, все машины останавливались, и мужчины предлагали ее подвезти. Где бы она ни бывала вне своего поселка — в районном городе, в Москве, она обязательно обзаводилась уличными знакомствами, и потом ей звонили новые обожатели. Каждый ей сходу предлагал жениться, причем от мала до велика — взрослые мужчины тоже, эти сразу хотели родить от нее ребенка; и запоминали ее все, с кем только она ни виделась, люди потом находили ее только по названию их поселка, спрашивая девушку со шрамом, а уж в поселке не было никого, кто бы ее не знал. В определенные периоды времени в памяти ее мобильного телефона забито было до двухсот пятидесяти телефонов знакомых парней. Но она, путаясь в именах и фамилиях, только морочила им голову.

Старой боевой подруге
podruge@....ru

Молодое, сильное, красивое, подкупающее непосредственностью дикое животное... Но, тем не менее, она еще и интересна. Почему-то с ней еще и интересно! Может быть, потому что с ней можно и поговорить. Скажем, о посещении ею доктора по поводу последствий ее сломанной ноги, к которому я ее свел и о котором она со смехом расскажет, как он в кабинете наглаживал ей ногу, причем не в том месте даже, где шрам. А потом, когда я зашел в кабинет, чтобы справиться о диагнозе, уже и руку, демонстрируя какой-то прибор и сожалея, что она брюки уже надела, и поздно продемонстрировать его на шраме ноги. И хотя она получит от этого поведения, очередного поведения очередного съехавшего с катушек мужчины, даже пожилого, свое удовольствие в подтверждении силы своей красоты, она все же расскажет об этом смеясь и глядя на все как бы со стороны. Что выдст в ней и рефлексию тоже. А одно это уже слишком выделяет ее из того стада животных, откуда она взялась. И потом, она еще далеко не глупа...

— Как же так, что вы бьете всех? — спросил я в первый же день, когда она пришла ко мне обедать. («У вас все равно обеденный перерыв, — предложил я. — Пойдемте, чем-нибудь накормлю»).

— Не бить, иначе заклюют, — ответила она. — Иначе будешь таскать за старшекласниками их сумки.

Я сразу решил постараться удержать ее. Решил во что бы то ни стало задержать ее в этой труппе, при виде которой она еще утром, когда ее привез отец, с ужасом расширила глаза, и я видел, что она с трудом смирилась, чтобы хотя бы день на работе продержаться.

Я решил ее заманить на самого себя.

Я старательно накрыл на стол. Достал нужные приборы, выставил даже бутылку французского сухого вина. Когда она пришла и когда я все-таки снял с нее шубку, я проводил ее в зал, встал сзади и пододвинул стул.

Как и ожидал, это произвело на нее впечатление. Она притихла. Раньше это называлась ПТУшница, девочка из профессионального технического училища, какая-нибудь швея-мотористка, самое примитивное образование советских времен, девочка из низов, на каких мой круг, в котором я вырос, всегда смотрел свысока, снисходительно, вернее, даже вообще не смотрел. Маловоспитанная и малокультурная. На таких хорошие манеры всегда действуют.

— Не обессудьте только,— добавил я, уже когда мы сидели за столом оба. — Будут только пельмени, взятые в вашем же магазине. Самодельный мужской обед, сами понимаете: что может мужчина?..

Но как бы там ни было, какая ни была она притихшая, за столом она сидела удивительно естественно. Это меня просто поразило. Очень прямо, с удивительной осанкой, с такой осанкой, с какой сейчас и не сидят, которая была в пору людям доисторических времен. Как надо, очень умело пользовалась ножом и вилкой и так аккуратно клала кусочки на язык, что хотелось просто любоваться этим ее движением и за этим кусочком следить. Медленно, без спешки. Один раз что-то уронила и стала нагибаться поднимать...

— Не обращайтесь внимания, — сказал я. — Оставьте.

— Нет. Я свинья, — в наказание сказала она себе.

Перед едой пожелала мне приятного аппетита.

— Так как же можно бить всех?.. Как вообще в женщине может быть агрессивность? Это же не по ее природе. Это ее уродует. Природа женщины есть любовь... И парней тоже?

— Да.

— Но они же сильнее...

— У них очень много слабых мест.

— Господи, какой-то кошмар все, что вы говорите. Принято считать, что женщина должна быть мягкой, нежной, беззащитной...

Я совершенно не знал этого нового ПТУшного поколения, да, честно сказать, и старого не знал. Всегда меня судьба пронесла мимо. И с моим-то старорежимным представлением, что в женщине должна цениться прежде всего слабость, к тому же

поддерживаемым мнением множества серьезнейших, оставивших о себе след в истории думающих людей, и с этим их, ПТУшников, неумением правильно говорить, с этими их пошлыми скабрёзными программами и матом по телевидению и отчаянной руганью во всех присутственных местах. Да и вообще с такой молодой девушкой, представительницей нового, раскритикованного и забракованного нами в силу того, что оно было уже практически все целиком ПТУшное, поколения, я разговаривал впервые.

И еще поэтому она была мне страшно интересна.

— Нельзя быть слабой, забывают, — ответила она.

— Кто?

— Да все. Все и во всем по жизни. Будешь бегать для старших в магазин, горбатиться на «паханов».

— Тем не менее, как говорили мудрые люди, даже тот же вождь пролетариата Карл Маркс, в женщине мужчина ценит прежде всего слабость, это дает ему возможность о ней заботиться и ее опекать. В конце концов, жалость, сострадание и любовь всегда так рядом. Раньше в русских деревенских семьях даже не употребляли слово «любовь», а говорили «он ее жалеет». То есть не бьет, одно это уже обозначало, что он ее любит.

— Да сейчас все наоборот, сейчас женщины чаще опекают и защищают мужчин. С одним моим другом на нас напали, так он испугался и убежал, оставив меня одну. И мне пришлось одной от двух мужчин отбиваться.

— Отбились?

— Да.

— Как это вообще произошло?

— Мы ходили к маме в магазин в другой деревне, а на обратном пути на тропинке через посадку встретили двух уже взрослых мужиков. Один из них вообще, как потом выяснилось, был уголовник, только из тюрьмы вышедший, я его, кстати, сразу через спину перекинула, и он так головой грохнулся о землю, что больше не встал. А второй боком, боком и убежал.

— А друг твой?

— Он за помощью помчался...

— Но такое же бывает раз в жизни.

— Да что вы!.. Родители, когда мы приехали, сделали магазин; так папа сначала только своими кулаками от бандитов и защитился, не милицией же... Я однажды при одной драке присутствовала, он дерется как зверь. Бандиты теперь его уважают. И магазин от рэкета свободным остался...

— Может быть, так сейчас, может быть, именно так все и стало в жизни...

— А в соседнем поселке в школе одну девочку мальчики долгое время насиловали по очереди всей мужской половиной класса. Каждый день. Она была ими запугана и пожаловаться никому не могла, жила с одной бабушкой. Год это так продолжалось, пока она не сошла с ума.

— Да, я слышал об этом случае...

— Не знаю, мне кажется, если не уметь драться, то и не выживешь.

— Но я ведь вот выжил.

— Вы, наверное, никогда из дома не выходили.

— Ну, это уж преувеличение. В свое время в стране Советов журналистом я прошел пешком полстраны. Такая была манера, принцип даже: в одиночестве и пешком. В вызове партийным догмам и в погоне за так называемой правдой. Иногда попадал в места совершенно дикие и в ситуации крайне рискованные, народ ведь и тогда был разный.

— И что, на вас ни разу не нападали?

— Как-то обходило стороной, ничего существенного не было, даже за всю жизнь сильно избит никогда не был.

— И без оружия?

— Нет, тогда это не позволялось. Даже газовых пистолетов не было. И шокеров.

— Тогда вы, наверное, в армии не служили?

— И в армии служил.

— И что, дедовщины у вас не было?

— Почему, была, но и это как-то миновало, я знал о ней, конечно, дедовщина и тогда существовала, но я служил в радиовойсках, у нас было как-то подемодернее, тоже безобразно, конечно, но все же поинтеллигентнее... Правда, согласен, на первом этаже нашей казармы стройбат располагался, так вот

верно, сверху нам видно было, что там иногда внизу в их уличной курилке творилось...

— Даже не верится. А бизнес ваш?

— Вы опять про бандитов? Честно скажу — не было. Да и сейчас я, вот смотрите, живу в полнейшем одиночестве, ночью тут на двести метров ни души, тишина космическая, и мне ни разу не пришло в голову, что надо кого-то опасаться, и ни разу ничего не произошло. Я и ружье-то свое до сих пор сюда не привез.

— Рискуете.

— Знаете, я всегда полагал, что самооборона — это как раз то, от чего мы, в конечном счете, и погибаем. И убивают тебя твоим же оружием. Песня есть Высоцкого о сентиментальном боксере. «Бить человека по лицу я с детства не могу...»

— Не знаю такой.

— Ну что вы, это же превосходная песня...

Буткеев лезет в ближний бой, а я к канатам жмусь.

Но он пролез, он сибиряк, настырные они.

И я сказал ему: чудак, устал ведь, отдохни.

Неужели не слышали?

— Ни разу.

И я с удовольствием воспроизвел ее до конца:

А он все бьет — здоровый черт! Я вижу — быть беде.

Ведь бокс — не драка, это спорт отважных и т.д.

Вот он ударил, раз, два, три — и сам лишился сил.

Мне руку поднял рефери, которой я не бил.

Вот это где-то примерно про меня. Мне каким-то образом так всегда и везло. Приходите завтра на обед, только у меня к вам просьба, приготовьте на этот раз что-нибудь уже сами. У меня, как видите, неважно получается.

И она согласилась.

drugu

Боша, дружище. О Боге нужно думать всегда, если уж на то пошло, а не только в нашем возрасте. Не объясняй мне, пожалуйста, как опасно засматриваться на красивых девушек. Какие вы заботливые все, однако...

— У меня была в детстве подружка, — сказал я, наливая ей апельсинового сока на следующий день и продолжая тему. — Родители наши дружили, так вот ее отец в порядке обучения самообороне научил ее, куда нужно бить мужчин. Не знаю, пользовалась она этим или нет, но момент того, что ниже пояса ударить можно, в ней присутствовал. Вы не знаете такого выражения: бить ниже пояса? Сейчас, похоже, это табу нарушается повсеместно. Достаточно только посмотреть какое-нибудь современное кино. В моей юности в наших детских потасовках это правило все же как-то соблюдалось. И знаете, вполне возможно, что моей подружке эти познания пригодились в жизни, вполне может статься, и выручали многократно, а может быть, даже всего один раз, а может, придавали ей уверенности и смелости, но, тем не менее, я думаю, что именно от этого жизнь моей подружки не заладилась: ушла от мужа, одна воспитала ребенка, одна всю жизнь. А хорошо выглядит, хозяйка изумительная, готовит чудно. На тонком плане есть какой-то рубеж. Агрессия и нарушение нравственных законов безнаказанными не остаются. Если женщина его преступает, впрочем, точно так же как и мужчина, если он может поднять руку на слабого, на женщину, а еще и ударить по тому месту, которое по определению его влечет, на тонком плане все разваливается. Им в жизни не везет.

— Это все мистика. Вы верующий?

— Как-то в лоб вопрос, но, в принципе, да.

— Бога нет.

— О, это слишком поспешное заявление. Мы же не знаем ничего.

— Если бы бог был, он бы не позволял убивать невинных.

И она рассказала про свою младшую сестренку, которую около года назад сбilo поездом. Это была совершенно незалеченная рана для всей семьи и главная в жизни семьи трагедия. Звали сестренку Машей, было ей тринадцать лет, она была жизнерадостный, пользующийся всеобщей любовью в их поселке ребенок. В школе она была заводилой, красивая, умная, родители в ней души не чаяли и именно с ней связывали самые честлюбивые свои родительские надежды. Ходила в районном городке в музыкальную школу... Она попала случайно меж-

ду двух товарных поездов, проходящих по их станции, и умерла на руках у отца, прибежавшего на железнодорожную насыпь из дома, как потом было сказано в медицинском заключении «от разрыва внутренних органов», пока они ждали «скорую помощь» под повторение слов «папа, я не хочу умирать». Отец до сих пор судится с врачами «скорой помощи», отнесшимися к происшествию халатно и равнодушно, ищет еще виноватых, с трудом сдерживает себя, чтобы на ком-нибудь из-за своих подозрений не сорвать зло, каждый день ездит с женой на могилку на кладбище, а когда рассказывает о погибшей, он, агрессивный, сильный, властный, кулаками в своей вспыльчивости даже в своем уже совсем не юном возрасте продолжающий решать все свои проблемы, отвернув голову в сторону, утирает с глаз слезы.

— Она никому не сделала вреда. Почему ее бог убил?

— Мы не знаем всех путей. Не гневи Его. Мы не знаем, зачем мы живем.

— Зачем живем — это понятно, тут нет ничего сложного: для радости.

— Ты полагаешь, что это и есть смысл жизни?

— Весь мир живет так. Все так живут, и это и есть смысл.

— Зайка, — почему-то с этих пор я стал звать ее Зайкой. — Я тебе скажу одну выстраданную мысль: мы все живем для радости, живи и ты, живи, радуйся, люби, наслаждайся, стремись к счастью, но только не считай это смыслом жизни. Это тебе ничего стоить не будет, твоей радости это не умалит, но так ты хоть не обесценишь искания миллионов мучившихся подобными вопросам людей и не сотворишь богохульства. Не бери на себя слишком многого, не относись неуважительно к тем людям, которые живут совсем другим, пусть тебе и непонятным. Они ведь тебе вреда не делают.

— Другим никто не живет.

— Не упорствуй, Зайка, есть разные миры, не только твой мир, как бы это сказать, джунглей, где все держится только на силе, и в котором все пребывают в вечном напряжении и готовности к опасностям, и в котором ты неоспоримый лидер и авторитет. Например, попробуй задаться вопросом: зачем живут монахи? Это совершенно другой мир, но от этого мира, от их молитв и их отрешенческой жизни на земле существует намо-

ленная атмосфера, которая во многом хранит нас всех. Поверь, мы просто этого не чувствуем, но это есть. Не надо быть неблагодарным. По крайней мере, все отрицающим. А есть люди, которые живут творчеством, изобретатели, ученые, архитекторы, посредством которых создается все ценное в мире, вся цивилизация построена на их творчестве и посредством их творчества, и им, таким странным, порой в жизни больше ничего и не надо, им бы только творить и творить, они от своего творчества получают огромное удовлетворение, может быть, гораздо большее, чем даже получают от любви и близости с любимой женщиной...

— Я была знакома с одним монахом, и он так в меня влюбился, что ради меня ушел из монастыря и долгое время предлагал мне встречаться. Надо сказать, красавец был...

— Ты меня заставляешь вспомнить мысль Толстого о женщинах, которой он достаточно сильно низводил прекрасную половину человечества. Он говорил, когда красивая женщина видит, что все эти великие ученые, сделавшие грандиозные открытия, герои, рисковавшие жизнью ради других или жертвовавшие жизнью за отечество, великие умы, напрягавшиеся десятилетия в поисках смысла и научившие человечество правильно жить, находятся у ее ног и ищут ее расположения, она самодовольно заключает своим недалеким умом, что никакие их достижения, никто и ничто другое или другой не главное, а что именно она-то и есть самое главное на свете.

6

Но, уходя в этот день, она, после того как посмотрела на затопленный камин, сказала решившую всю мою последующую жизнь фразу. У нее проскакивало много точных мыслей, внутри нее самой была удивительная глубина, несмотря на то, что ее мир это были ПТУшные джунгли со словами «вштырило», «перетерли», «прошаренный», мир с жестокими драками, жизнь как в каком-то мороке майи, когда она не расставалась со своим мобильником, по которому разговаривала, пользуясь каким-то льготным тарифом, по восемь часов в день, а в промежутках то слушала музыку, то получала или отправляла СМС, брала его

с собой даже в ванную и, возвращаясь из туалета, сразу проверяла, нет ли на дисплее сообщений, являясь, по сути, его приложением, заложницей, а вечер убивала на гулянье по своему поселку с подружками, из-за чего, казалось, ей некогда даже было вообще подумать о чем-либо, времени не было; тем не менее откуда-то из глубины подчас появлялась такая красота!

Она сказала:

— Вот тут, у камина, вы могли бы посидеть с кем-то вдвоем и посмотреть фильм. Но вы одиноки...

И я ничего ведь не мог возразить. Против такой очевидности, против того, что я одинок и был одинок всегда, убегая от людей в одиночество, либо в свое творчество, либо в какое-то свое дело, отдаваясь от людей как можно дальше, находя в одиночестве покой и волю... Против этого я не мог сказать ни слова. Ведь у меня и телевизора даже нет, она была права. И я вдруг первый раз ощутил свою никчемность. Ведь так и жизнь прошла, а ведь чего-то такого важного, на чем держится весь этот суетный мир, мне так и не пришлось коснуться. Она потом, позже, еще скажет, уточнив мое понимание того, чего именно. Причем скажет, опять точно попав в точку, обезоружив своей проникновенностью.

— Да признайтесь, вы ведь и сейчас, да и всегда, мечтали, не смотря на всю вашу, как вы говорите, интеллигентность, хоть на денек стать ПТУшником!

— Зайка, ты красива, — только и сказал я тогда, не смея спорить и совсем не на тему, — ты невообразимо красива. И ты еще и умна, ты просто харизма какая-то, от тебя веет сплошным очарованием. Я взялся бы из тебя сделать кого угодно...

И поцеловал у нее руку. Которую она тоже постаралась сначала, с непривычки отнять. Поэтому я поцеловал руку почти насильно.

Глава 2

1

В моем детстве это называлось просто: улица. Уличные дети, влияние улицы. От чего меня в семье постоянно хранили. Туда нельзя было ходить, с уличными мальчишками играть было нельзя. Они не тому научат. А чему не тому? Да понятно, там жизнь только половым. Половыми играми, половыми вопросами, половым томлением, борьбой и драками за представительниц другого пола, половой терминологией... Потому что что там еще может быть, на улице? Да ничего, больше, кроме полового, там ничего и нет. Там сырая природа, растительная, открыто инстинктивная, открыто над всем торжествующий «основной инстинкт». Это та сфера, которая целиком половым и исчерпывается. Бандитские замашки, бандитский лексикон. Грубые манеры, жесткая неотесанная жизнь. Наташа рассказывала, что однажды бросилась заступаться за обиженную свою младшую сестру Машу, у которой какой-то большой мальчик отобрал велосипед. Она пришла к ним в дом, постучалась в дверь, ее послали матом, она вышибла дверь ногой, на нее напустилась мать; если бы, говорит Наташа, она на меня не закричала, может быть, ничего и не было бы, но она заорала и сразу меня скалкой по плечу, и я ее в ответ тазиком, во дворе тазик стоял, так я ее тазиком по голове и огрела, а потом со старшим сыном, здоровяком

таким, схлестнулась, он меня какой-то палкой начал бить, вся спина и плечи потом у меня в синяках были, но я и с ним сцепилась, блок руками поставила, а потом сбила с ног; и хотя он еще меня и за волосы схватил, и палкой не раз еще от него получила, в конце концов умудрилась его между бочкой водяной и верандой засунуть и Машенькин велосипед забрала. Вот, примерно, что такое улица. Танцплощадки, дискотеки, рядом с которыми могут запинать ногами, вероятность поножовщины. Маленькие мальчишки, разговорами подогревающие друг в друге желание поймать девочку, затащить в кусты, раздеть ее там и пощупать. Только пощупать. А в самом раннем детстве завести куда-нибудь за забор нравящуюся тебе красивую девочку и протянуть ей завернутую в конфетный фантик подобранную в подворотне кашку. Ну и еще какие-то фрейдистские штучки. Ну и, конечно, пить и курить, хорошо если не марихуану. Употреблять слова с сексуальным смыслом, свой жаргон ... Меня от этого хранили. И поэтому такое осталось у меня неосознанным. Белым пятном в жизни.

Потому-то свидетельства о той жизни я воспринимал просто с жадностью...

2

Оказывалось, что все тут с точки зрения только внешности. Парень должен быть молодым и сильным, чтобы были «кубики» на животе от хорошо накачанного пресса. А девушка должна быть красивой. Всякой наукой и творчеством занимаются только уроды. Им просто ничего не остается. Им просто недоступна нормальная жизнь. Высшее образование тоже не обязательно. Нравиться можно и без него. Жалости к ущербным нет в принципе. Самое дежурное — это смеяться. Чтобы было весело и смешно. Веселиться, одним словом. Если быть откровенным, в молодости, помнится, я ведь завидовал таким. Как они стояли на улице летней ночью после закрытия какого-нибудь модного кафе, все еще не решившиеся разойтись по домам, и много их, оставшихся под закрытие и выпровоженных из зала; стройные красивые девушки, молодые красивые парни, не обращающие ни на что внимания: ни на машины, проезжающие по проезжей части дороги, ни на крутых,

как сейчас говорят, мэнов, сидящих в них, ни на знаменитостей, изображенных на рекламных плакатах и афишах театра напротив, ни на интеллигентные, в очках, физиономии идущих из театра докторов наук; они заняты только друг другом, их главное достоинство и сверхценность — их молодость, красота и легкая жизнь. Какие-нибудь две девушки молча оспаривают одного парня, изящного красавца в приталенной рубашке, вернее, даже одна, оставленная им, бессловесно, как сомнамбула, по-рыбы тыкается меж ними, пытаясь медленно втесаться посередине и с новой девушкой их как-то разьединить, как-то этим напомнить о себе, беря под сомнение вопрос, с кем из них он сегодня останется ночью.

Но это, можно сказать, золотая молодежь, у которой существуют если не обеспеченные или влиятельные родители, то все же деньги. И это городская атмосфера. А есть сфера провинциальной молодежи, где все поглубже и поэлементарнее, но принцип жизни все равно тот же: «Бросим все премудрости, будем веселиться!..»

podruga

Впоследствии я удивлялся, как в этом черноземе можно было обнаружить алмаз. Неограниченный алмаз. Поскольку было очевидно, что, несмотря на этот исповедуемый ею кодекс растительной жизни, в ней содержится гораздо больше, чем просто ПТУшное. В ней могло быть все. Удивительно даже, откуда? Она была как пустая колбочка, очень восприимчивая, как все ПТУшники, непосредственная, но еще и умная, рефлексирующая, до неимоверности искренняя и открытая, которая наполнялась тем содержанием, которое в данный момент было разлито снаружи в людском окружении, и тем, что можно было в нее налить. Мечта каждого мужчины: сделать женщину под себя... Причем содержание в колбочке становилось чистейшим как кристалл, насколько не портилось и не уродовалось чем-то по-настоящему грубым внутренним, а лишь отстаивалось и принимало совершенную форму, делаясь содержанием самой высшей пробы.

3

Но присутствовала в Наташе еще и некая тонкость. В ее роду была какая-то бабушка или прабабушка, продолжающая оста-

ваться в Азии, красивая интеллигентная женщина, входившая в свое время даже в состав Верховного совета республики, может быть, было в Наташе что-то от нее. Тем более что от бабушки этой вообще осталась мифологема. Сестра ее, с которой она, правда, не поддерживала отношений, была знаменитая киноактриса в России, особо блиставшая своей красотой и талантом в шестидесятые — семидесятые годы прошлого века, а сама бабушка попала в Азию из Липецка, как в бега, уехав из Липецкой области после смерти влюбленного в нее человека, который, не добившись от нее согласия, высокомерно и равнодушно отвергнутый, разогнался до умопомрачительной скорости на ее глазах на мотоцикле и врезался прямо перед ней в кирпичную стену, разбив себя насмерть. Такая жуткая впечатляющая картина. Наташа умела говорить, причем красивым тембром, с правильной интонацией и хорошей дикцией. У нее, благодаря великолепной памяти, был огромный словарный запас, даже удивительно, какой огромный, при всем том, что в школе она толком не училась, знания в ее деревенской и малокультурной среде не котировались, да и где они сейчас котировались, а отметки получала, как все, хитростью: списать или вытаскать заранее знаемый билет, интуитивно угадать нужное, именно в этом находя доблесть. Это-то у ПТУшников и считается проявлением ума. Но со мной она всегда была утонченна, красива и интеллигентна. Не побоюсь даже этого слова. У нее все получалось. Она могла такой быть. Когда она научилась с моей помощью говорить литературно правильно и, в частности, оставила свою жуткую, сохранившуюся у наших людей, похоже, только в Азии, диалектную среднерусскую манеру употреблять после основы на гласную возвратную частицу «ся» (рассмеялась, потерялась, застрялась), ну и некоторые нелитературные штампы: звонит, ложит и т.д., когда язык ее очистился, я просто поразились, какой она могла быть. Она стала просто изумительна. Я просто вдохновлялся тем, какие у нее могут быть перспективы.

И в то же время, возвращаясь, хоть ненадолго, в свой ПТУшный мир с его грубостью и неотесанностью, с выбрасываемыми в окна автомобилей пустыми банками, банками какого-нибудь модного слабоалкогольного коктейля, какого-нибудь «Ягуара», который пить... это такая химия, просто смерть фашистским оккупантам... — с бутылками вина, запах от которого она перебива-

ла, съедая в сыром виде целый лимон, морщась, содрогаясь и по-ПТУшному смешно высовывая язык со звуком «бэ-э», курением с подругами сигарет, которые она опять заедала, запивала и замазывала духами, чтобы не почувствовали дома ее строгого воспитания родители. С предъявлением своим парням (и она в числе других девушек, пока ее парень не ушел в армию) для проверки своих мобильников со всеми их сообщениями и номерами телефонов, по которым они звонили за день. С разговорами между собой в каком-то истеричном тоне, с надрывом, как это принято в ДОМ-2. Так сказать, в истеричном режиме. С разборками около клуба на дискотеке, с какими-то семейными уже драками между собой из-за ревности, из-за того, кто на кого как взглянул, с беседами с мальчиками по телефону, когда говорится в трубку что-то типа такого:

— Желтый, я сначала думала, что тебя просто порву. Мне Стас передал, что ты сказал Длинному, что я с Децлом спала. Я на самом деле сначала хотела тебя кончить. Но вот приеду домой, мы все втроем соберемся и перетрем эту тему, и тогда выяснится, кто что говорил...

Или еще, заходя в мой дом:

— Скучняк полный. Музыки нет... Просто жуть!

Погружаясь надолго в этот мир, она приходила оттуда совершенно дикая. Слушая все это, я приходил в недоумение. Как все в ней могло уживаться?..

Я ей дал прочитать «Пигмалиона» Бернарда Шоу. Она долго сопротивлялась, поскольку читать не любила, читала только в детстве, опять же в своей Азии, но когда начала, дочитала, не отрываясь.

— Как это человек может только по речи определять всех, откуда они родом и как и чем они жили до этого? — в сильнейшем волнении сказала после прочтения она.

Ей, лидеру и властителю, то, что и ее кто-то тоже может без ее контроля и лучше ее самой определить, зафиксировать, отнести к какой-то группе, только по одному ее языку узнать о ней больше, чем знает о себе она сама, видеть ее без всякого прикрытия и маскировки, привело просто в ужас. Свои среднеазиатские диалектные ошибки она изжила в две недели. Мне это так помогло в ее образовании, что я думал о том, как перейти к полному искоренению ее невежественности. А невежественна она была, как теперь

все вокруг молодые, — причем не только в провинции и деревне, но и в центральных городах, — по-дремучему страшно. Мировая история для них белое пятно. Писала она с такими ошибками, будто никогда и не училась русскому языку в школе, не знала даже что такое слово «проза». Главное значение этого слова она узнала, только когда я вывел ее однажды на литературную тусовку.

Но уже скоро она стала улавливать неправильности в речи других людей и в речи самой себя, за что получила от меня восхищенную оценку:

— Зайка, ты стала следить за своей речью сама!

Действительно она стала понимать, когда говорит неправильно и, не дожидаясь поднятия мной руки, тотчас исправлялась. У нее были и чутье, и способности, и жуткая сила воли. Воля лидера, воля воина, воля борца. Она могла сделать все.

А как она научилась играть на пианино... Не понимая ни йоты в нотах и ленясь их узнавать в нотной тетради, не имея толком никогда серьезного контакта с инструментом и лишь повторяя раз за разом мою игру, она механически, но четко, потратив на это уйму времени, по пути научаясь правильно ставить пальцы и одолевая гаммы, затвердила «К Элизе» Бетховена. Так что было потом даже вполне сносно ее слушать. И еще заметила совершенно невообразимое:

— Вначале тут такая красивая мелодия, но потом приходится решать всякие ребусы, продираться сквозь них, и уже забываешь даже про то, что было, а тут вдруг появляется та же мелодия опять, — она просто не знала слово «тема». — И так хорошо делается оттого, что она опять появилась!

Боже мой, у меня просто наворачивались слезы умиления. Я просто готов был носить ее на руках тогда.

4

Natasha19@...Milashka.ru

Ты полагаешь, что, когда из-за тебя дерутся люди, это хорошо? Ты думаешь, если твой ушедший в армию парень, с которым ты, по вашей терминологии, встречалась и который бил всех подряд, кто на тебя ни посмотрит, был героем и этим доказал всю силу своей к тебе любви? Да это просто зверинец! Ты при таких обстоя-

тельствах получаешься просто самка, за которую борются рога-тые самцы. Тебя это устраивает? Мнение о себе как о животном тебя устраивает?

Ты знаешь, у меня такое впечатление, что я твою душу, — ска-зав это поэтически, — в которую ты абсолютно не веришь и кото-рую гонишь от себя, как назойливую муху, отрицая в жизни добро и все рассматривая только с позиции силы и корыстных эгоистич-ных побуждений, твою беззащитную, тобой задолбанную душонку держу в своих руках, поскольку она тебе совершенно без надоб-ности, и она прибилась ко мне, как голодная приبلудная кошка. И вот я стою с ней, не зная, что делать, в полной растерянности, понимая, что она мне сброшена тобой как обуза, и мне страшно такой ответственности. Потому что Бог его знает, что тут требу-ется от меня! Она, твоя душонка, настолько настрадалась в тво-ем теле! И абсолютно понятно, насколько ей противно, скучно, от-вратительно в нем, занятом исключительно лишь привлечением к себе людского внимания и отстаиванием своего статуса лидера. Она, душонка, в начале твоей жизни, видимо, еще в твоей Азии, где ты была далеко не красавица и тебе еще не подправили опера-цией веко и у тебя был слишком виден твой шрам, и где ты по этой причине много чего передумала, много прочла книжек, и где была культурная красавица бабушка, и где была какая-то среда, там, в Азии, душа твоя хватанула чего-то чистого и истинного, умного, деликатного, тонкого, красивого, настоящего, правдивого, но за годы возмужания тела, за годы его борьбы за место под солнцем вдруг съехавшего с катушек в открытии, что оно, тело, вожделено для каждого мужчины, а то ведь как же — с этим третьим но-мером бюста, перед каким никто не может устоять, да еще с такой попкой, конечно, куда там! И даже шрам под глазом можно пре-вратить в шарм и в лишний момент привлекательности; она, душа, ссохлась и зачахла, не в силах выносить всю эту тоску и муку, и исто-мившаяся в одиночестве за долгий десяток лет, так потянулась к уже почти и позабытым ею словам, к людям, живущим иными понятиями, вспомнив, что есть ведь и другой мир, где не все дела-ется только за деньги, для удовлетворения своих желаний и ин-стинктов, для ощущения чувства победы, где люди не всегда го-товы съесть друг друга, растоптать, унижить, превратить в свою собственность, где не всегда только и делают, что хитрят и лгут,

где не подозревают каждодчасно всех в неверностях, не бьют из ревности своих подружек, не отстаивают себе принадлежащее с кулаками, не читают чужих писем и сообщений, где соблюдается уважение к миру другого человека, где ценятся чужие принципы. Где чтут высокое звание человека. Душа твоя это помнит, она уме-ет все: она умеет и читать, и думать, она умна, она все схватывает, она добра и отзывчива, понятлива, пытлива, милосердна, мило-стива, нежна и... чиста... Чиста, как детская слезинка, слезинка твоей Маши, например. Но тело, о, это тело!.. Ленивое, само-довольное, озабоченное только лестными словами о нем, само-достаточное в своем невежестве, в презрении к людям образован-ным, не ценящее ни заслуг, ни достижений много положивших на воспитание в себе культуры людей и получающее огромное удо-влетворение от того, чтобы принизить высоко стоящего человека, узнать какой-нибудь компромат про знаменитость, чтобы срезать смешным замечанием много думавшего о жизни философа, ули-чить в ошибке религиозного деятеля, поймать на моменте коры-сти бессребреника, чтобы лишний раз убедить себя в том, что все одинаковы, после чего с большим удовлетворением возвратиться в свою ватагу, в свою стаю, где во все эти вещи не то что не верит-ся, они вообще принимаются ни за что ...

О, это тело похоронит все!..

Тебе надо ценить в себе то, что в тебе есть истинного.
И потом тебе надо учиться...

5

Отец ее, агрессивный, вспыльчивый до бешенства, воспитывал ее как мальчика с самого малого детства — не плакать, терпеть боль, он же и научил ее: никто ничего не понимает, ничего никому не доказать, бей сразу в лоб! И она это стойко осуществляла до де-вятнадцати лет. Этакое воинственное нищестанство, произвол, воля сверхчеловека, взятые отцом, правда, вместе с определенными кра-сивыми принципами чести из сферы «понятий» уголовного мира, под впечатлением которых, широко представленных в его родном азиатском городке ссыльных уголовников, он и вырос. И которые, если уж быть честными, вместе с их аморальностью и в то же вре-

мя какой-то языческой животной яркой красотью, пронизывают и все наше теперешнее современное общество. Авторитет у нее был неоспоримый, все подружки слушались ее и изъявляли знаки внимания, уважения, во всем поддакивая ей. Правда, в семнадцать, имея тягу к настоящей дружбе, она усомнилась в том, что ее кто-то любит по-настоящему, она стала опасаться, что любят ее, просто ее боясь. Ее желание искренней любви — ведь она была, как бы там ни было, женщина, девушка — пришло в противоречие с привитой отцом в семье жестокостью и нищеанской волей сверхчеловека. Она хотела любви. Эта потребность все равно в ней пребывала и требовала выхода. Она стала проверять своих подруг, сама она всегда помогала всем искренне, по внутреннему порыву, а тут стала замечать, что в отношении к ней у подруг много корысти и расчетливости, ну и страха, конечно же... А когда она сломала ногу, катаясь на лыжах со склона берега реки, о неожиданно попавшуюся на пути березу, да так, что сломанная бедренная кость позволила ноге оказаться закинутой за шею... Так вот, тогда за полтора года, что она сначала лежала, а потом ходила на костылях, когда ей доктора даже предрекали, что она будет хромой на всю жизнь, к ней не приходил никто, остались из всех только две подружки. Кстати, своей силой воли она подняла себя так, что смогла опять продолжать заниматься спортом, играть по-прежнему в волейбол и танцевать на дискотеках, на зависть девушкам вокруг, до полного изнеможения, несмотря на все предрекания и запреты врачей; к тому же сразу после травмы встала на шпильки, хотя до этого предпочитала только кроссовки. Ее воля и стремление к лидерству были и ее преимуществом, и в то же время ее недостатком. Она и хотела искренней любви и доверительности, и в то же время не могла себе их позволить, поскольку никогда не могла подчиниться никому, не могла позволить ничьей власти над собой, а женщина хоть иногда должна быть слабой, хоть в чем-то она должна быть ведома.

6

Я постарался заманить ее на свою жизнь.

Я прибег ко всем средствам...

Я рассказал о своих путешествиях. Рассказал, как эвенки в рокаградусный мороз спят в малице на снегу, как оленегонных

лаек кормят только раз в двое суток, как звенит на морозе свещающееся в темном небе северное сияние. Как очаровательно лиственничное редколесье в тундре, состоящее как бы из игрушечных, маленьких, но вправдашних деревьев. Как самодостаточны, жизнерадостны и улыбкивы народы слабо развитой юго-западной Азии, в каком-нибудь Лаосе или на Филиппинах, какими нам в нашей стране никогда не быть. Как скучны, по сути, обыватели в западных странах. И как прекрасны неотесанные русские во всех концах света.

Я прочел ей целую лекцию о том, каковы русские за границей. Ей, выпускнице турколледжа, это было особенно интересно. Она не застала тех советских женщин восьмидесятых прошлого века, которые падали в зарубежных супермаркетах в обморок от осознания открывшейся им истины, что жизнь в их стране Советов прошла зря. Я думаю, таких уже не увидеть, они умерли от полученных потрясений, а те, кто выжил, преодолев полученный шок, благополучно съехали на Запад и теперь наслаждаются тамошними магазинами вполне. И как страшный сон вспоминают свою прежнюю родину. Не запомнила она и русских девяностых годов, когда те только начинали массово выезжать за границу и комплексовали там, встречая повсюду уверенность людей в себе и в своем образе жизни. Поражаясь практически полному отсутствию чувства застенчивости в них, живущих непосредственно, безмятежно, сытно и в совершенно другом, техногенном мире, купающихся в удобствах, комфорте и достижениях цивилизации. Но она могла уже видеть русских первого десятилетия двухтысячных годов, которых она отправляла на отдых из турагентства, теперешних русских, которые ведут себя за границей тоже по-своему, поскольку это соприкосновение с цивилизацией уже прошли и в ней поднапорели и которым этого все равно показалось мало. Которых это не удовлетворило, которым в силу то ли их гипертрофированного славянского самолюбия, то ли вообще нехватки какого-то рожна или других причин этого показалось мало. Они не могут, как сытые немецкие бургеры, ездить в Таиланд и на время длительной пенсионерской путевки брать себе в агентстве тамошнюю жену, молоденькую девушку из Бирмы, и изображать из себя плантатора; или как американские обыватели наслаждаться жизнью, посещать свои пати, тихо-мирно напиваясь виски, и спокойно тол-

стеть. Им надо выделяться, им нужны потрясения, им надо проявлять свою личность! Объединить себя и свою жизнь со спокойной жизнью наслаждающегося цивилизацией западного человека они все равно не в состоянии. Затеряться, ни разу не повыделовавшись, в массе сотен миллионов других людей им, как тому же на сто процентов русскому Эдуарду Лимонову, автору самой антиамериканской книги «Это я, Эдичка», просто невыносимо. И поэтому наш человек «делает волны», он шумит, старается как-то выделиться, хамит порой даже, и не столько от невоспитанности или наглости — что, в общем-то, свойственно в основном нахапавшим немерено денег и устроившимся в новой жизни бандитам, — сколько оттого, что он хочет таким образом заявить о себе, о своем существовании, о своей отдельности, о своей уникальной человеческой сущности; его гиперсамолюбие не удовлетворено отпущенной ему там ролью. Ему, дитяти просторных полей и бескрайних лесов, невыносимо в плотной одноликой людской массе.

Я рассказал, что нашего человека узнаешь повсюду. На улице — по тому, как он переходит проезжую часть буржуйской заграничной дороги, в любом аэропорту мира, где его, сбиваясь с ног, разыскивают служители, занятые отправкой самолета, пока он спокойно разгуливает по дьюти-фри, нимало не обремененный тем обстоятельством, что из-за него происходит задержка. Именно русским на грудь лепят значки номера рейса, которым они возвращаются к себе в страну, чтобы было легче их в аэропорту обнаружить и, отловив, вовремя доставить к самолету. Именно русские, напившись, начинают пылко объясняться в дружеских чувствах к тамошним аборигенам, которых они все равно считают себя ниже. И именно русский, если он заговорит на английском языке, а заговорит он, употребляя всего несколько слов: «stop», «moment», «one рыба» или «one meat», ну и еще несколько других, — будет очень возмущаться, если его не поймут. И неважно, что он высказался с неправильной интонацией или неправильным произношением и с трудом выговорил заученные фразы, но тем, что он на их языке заговорил, а они не поняли, он остается очень недоволен. Раздражению его нет предела. Он будет повторять нужное слово без конца, пока наконец не додолбит официанта или служащего в отеле, пока тот по каким-то косвенным признакам не догадается, чего русский клиент все же от него хочет. В мире, в ко-

торый сейчас так интенсивно едут русские люди за общением и за отдыхом, уже поняли, что легче самим выучить русский язык, чем заставить русского учить язык страны, в которую он приезжает.

Я рассказал ей о предпринимательстве девяностых годов. О том Клондайке в истории России, о том обогащении, которого не было больше в мире никогда, потому что никогда в истории даром не превращалось в частную собственность, частную собственность очень ограниченного количества людей, богатство целой страны, причем страны самой большой в мире. Что там залежи алмазов Южной Африки или золото Аляски — это ничто по сравнению с тем достоянием, какое было у страны Советов, рухнувшей считай в какой-нибудь один год, перешедшее в частные руки. Вот когда был Клондайк, вот когда было наше Эльдorado, сейчас тоска смертельная, скука, а тогда деньги делались из ничего. Не надо было даже быть бандитом или входящим во властные структуры. Достаточно было только под этот золотой дождь подставить руки. За день можно было удвоить свой капитал, за другой учетверить, а за неделю сделать в десять раз больше совершенно законными, не преступными методами. Только лишь какое-то коммерческое дело освоив. От такой невиданно разгульной сумасшедшей жизни, застилающей глаза любому лишь взявшемуся за «делание денег» человеку, от такого сдвига общественного сознания, опять выпавшего на нашу страну, вечно осваивающую чужие модели, — ведь ни на какую другую в мире страну такое резкое изменение в мировоззрении в истории не пришлось — от подобной жизни ломались все стереотипы человеческих отношений, лопались дружеские отношения, люди, никогда не имевшие денег, вдруг совершенно иначе начинали вести себя и относиться друг к другу, когда они становились обладателями капиталов. У всех просто съезжала крыша. Друзья предавали друзей. И ради чего? Ради денег. О которых раньше не имели никакого понятия.

Это сейчас только зарабатывание своих процентиков, никаких больших испытаний, ни искусов, и поэтому не понять ту жизнь; нет ни тех больших взлетов, ни падений, остались только крохоборство, мелочность и очередной передел собственности, а тогда была совершенно невероятная жизнь...

Заманил на рассказы о полетах на самолете, который у меня был и который мой летчик-инструктор благополучно превратил

в грудку трубочек из-за не проверенного вовремя коуша на растяжном тресе крыла, после сваливания в штопор. Хорошо хоть клиент не убил. И хорошо, что меня в этот момент с ним не было.

На рассказы о медвежьей охоте.

О том, как жил в тайге в одиночестве месяцами. Рассказал о том, что тот, кто никогда не жил в одиночестве, тот по-настоящему никогда не может научиться любить людей. Да что там говорить, тот по-настоящему никогда и не жил. О том, как вообще в нашем благополучном мире стало скучно жить.

На рассказы о том, что в свое время сделал свою жизнь вместилищем опытов. Как, ведомый любопытством, превратил на много лет свою жизнь в поле для экспериментов, поскольку самым ближайшим подручным объектом для опытов бываешь всегда прежде всего сам. Вроде комнатной лаборатории для единственного возможного в жизни истинного удовольствия. Опыты с голоданием, опыты с одиночеством, опыты со страхом, опыты с ненавистью, с любовью... Самая удобная лаборатория из всех существующих в природе, которая всегда под рукой, в которой ты и алхимик, и книжник, и экспериментатор, и исследователь, познающий в конечном счете весь мир, как самого себя...

На рассказы о том, что в прошлой жизни я был, наверное, собакой. Одиноким, потерянным, бездомным собакой. Рассказал о том, что всегда смотрел на собачью жизнь с величайшим состраданием. Я помнил обо всех случаях, когда встречался с ранеными собаками, всегда испытывая к ним высшую степень участия, и всех помнил с полной отчетливостью. Всех без исключения. Я столбенел, глядя на таких, испытывал приступ невероятной жалости, ужаса и всегда жалел их даже больше, чем людей. Помнил беспородную дворнягу с перебитой ногой на полуострове в зоне воскресного отдыха на Жигулевском водохранилище, где она жила в лесу, видимо, брошенная кем-то из хозяев, запуганная, затюканная, трехлапая и трусливая, как она боялась подходить к кому бы то ни было, ковыляя на своих трех конечностях, как боялась приезжавших на полуостров людей, туристов и останавливающихся на ночь дальнотойщиков, и в то же время тянулась к ним, затравленно глядела на них, опасаясь камня или палки, но, как бы там ни было, ожидая приветливого слова или подачки. Мне, остановившемуся там на ночевку, глядеть на нее было просто мучительно. Или вот в Ха-

баровске видел бегущую собаку с только что перееханной трамваем лапой, так что вместо лапы торчала белая кость, и она скусывала стебли какой-то травы на пыльном городском газоне, что-то, видимо, в качестве лекарства. И эта картина тоже у меня незабываемо в глазах. Или вот картина, запечатленная из окна машины, несшейся по скоростной трассе в густом потоке машин, мимо такого же, отделенного лишь сплошной линией, встречного потока, картина стоящего посередине дороги на этой сплошной линии вздрагивающего и криво уклонявшегося от каждой проносившейся машины охотничьего пса, стоявшего с уродливо выгнутой спиной, видимо, уже от полученного ушиба. И исчезнувшего из поля моего зрения в долю секунды, при полном моем понимании, что никто абсолютно не в силах что-то спасительное для него не то что сделать, даже придумать, ничего невозможно совершить, и гибель его в этом бесконечном и неостанавливаемом многолюдном потоке машин была все равно неизбежна, потому что под какую-нибудь машину в своем полуобморочном состоянии он все равно с испугу сунется. Много недель перед сном, когда уходили из головы дела, перед глазами вставала эта картина, даже сейчас, когда вспоминаю, мороз пробирает по коже.

Она отозвалась и на это.

— Да, я тоже ходила в церковь, — сказала она, — все детство ходила, даже пела в церковном хоре. — До того как Машеньку не сбило поездом, — произнесла она и добавила. — После этого я там уже не появлялась. У нас одна мама туда ходит...

Мы побывали на могилке Маши, где она прослезилась. Даже самым искреннейшим образом поплакала.

— Зайка, если нас Бог оставил жить, — сказал я тогда, — если Он дал нам возможность жить дальше, нас самих ничего не лишая, то это только для того, чтобы продолжать Ему радоваться и Его славить, только для этого. Не ропщи на Него, мы не знаем Его путей и всего того, для чего Он что делает. Нам это понять не под силу, единственное, чего Он хочет, чтобы мы любили Его, и друг друга...

Она промолчала. На этот раз не возразила. Это было обнадеживающе.

Глава 3

1

Потом я втянулся в это воспитание. Потому что это был такой, несмотря ни на что, податливый и охотно все воспринимающий, если выбрать правильный тон, материал. Так из него все лепилось, так она схватывала все, после чего уже не хотелось ее оставлять в этих джунглях. В свирепых джунглях.

Я упивался комплексом Пигмалиона.

Уже через неделю, подавая ей шубку, сказал достаточно строго:

— Руки держите внизу. Так надо. Удобнее надевать, — потому что она, как все неумехи, тянула руки вверх. — Позвольте мужчине себе помочь, поддайтесь, держите руки безвольно.

И этим открыл радость в наших отношениях, период ее воспитания, ее мне подвластности, несмотря ни на какие ее лидерские комплексы, подвластности мне как уважаемому ею человеку. Хоть кому-то, кому она может не сопротивляться и кому может позволить подать ей шубу или уроненный на пол платок, а поскольку платка у нее никогда не было, ну, не носила его принципиально, с вызовом, то хотя бы авторучку или выпавший из плеера диск. Кому может без страдания проиграть в шахматы, от кого можно принять нотацию, поучение.

Эпоха нашего с ней взаимодействия.

Кстати, и работать она у меня на некоторое время все же осталась.

2

podruga

Конечно, если жить только по законам Дарвина и считать, что все загадочные культуры и верования древних людей, дававшие им возможность совершать сверхъестественные вещи и проникать с помощью их религий и особых дисциплин, накладываемых на жизнь, в какой-то таинственный, фантастический, нам уже неведомый мир, всего лишь примитивными представлениями неразвитых обществ об окружающей их природе, то теперешнее поведение — это норма. Тогда не надо и напрягаться. Тогда подобная растительная жизнь в порядке вещей.

Первоочередная задача для меня — это ее просвещение. Почему-то я сознаю, что должен это. Я это осознаю отчетливо. Родителям с переездом в эту страну первым делом надо было позаботиться о том, чтобы дать ей высшее образование, иначе лучше было бы не привозить совсем. Высшее образование, если не гарантирует в этой стране правильный путь, то по крайней мере хоть наставляет на него...

Без высшего образования, без культуры она просто чувырла. Надо бы начать с чего-то элементарного ...

Да и что говорить, где набраться культуры в стране, в которой в плане культуры происходит что-то невообразимое!.. Уже то хорошо, что она выслушивает наставления. Обычное же наше отношение к культуре теперь снисходительное, враждебное. Чисто варварское, насмешливое, глумливое. В лучшем случае люди успокаиваются на том, что культура — это развлечение... А что до ценности понятия воспитания, то, как можно научить быть воспитанной девочку, если она выросла в «свободной» атмосфере, «открытого» общества, где даже в школе, по крайней мере у них в колледже в областном городе Московской области, подчеркиваю, не в глубинке, а в городе Московской области, устраивались на праздниках викторины, на которых вызывали на сцену, скажем, пять парней, усаживали их на стулья, каждому

вручали по банану, который они должны были зажать коленями, потом призывались из зала пять добровольцев-девушек, которые должны были, сцепив свои руки за спиной в замок, одними ртами очистить и съесть бананы — и кто быстрее их съест!.. И все это без тени смущения на лицах ведущих и участников викторины, учащихся и преподавателей в зале, с совершенно невинным видом, все это воспринималось лишь как «прикол»!

И мне исправлять такие упущения?!

drugu

Я потом сопоставлял и убедился много раз, что все, что в ней было ценного, красивого, нравственного, уходило корнями именно в ту ее азиатскую жизнь. Там была и бабушка, та, из Верховного совета республики, там была среда. Туда позже всех проникла свобода, и в то время как в России полным ходом шла очередная дебилизация, «демократическая» борьба за освобождение от последних оков, ей в начальных классах, как и всем ее ровесницам, приучая к дисциплине, продолжали брить наголо раз в год голову. Приучали перед началом занятий петь гимн их страны и тихо себя вести на переменах. Там она была дурнушкой и много думала о жизни, жалела хромых и убогих, там она читала книги, пока мама, дочь, кстати, этой же красавицы бабушки, тоже красивая, но затюканная и забитая, разделавшаяся со своими наследственными «барскими» замашками, поскольку и в ней чувствовалась порода, с нормальной классово-ненавистью, подчистую. Превратив себя просто в курицу. Может быть, еще и не без влияния строгостей Наташиного отца, ее мужа, естественно, всегда с раздражением говорившего о бабушке, что она ни разу даже не помыла в жизни посуду!.. Так вот, до того как Наташина мама простодушно — святая простота! — не запретила Наташе читать книжки, чтобы именно мыть посуду и заниматься более нужными по дому делами, Наташа успела прочесть и запомнить — о чем я сразу спросил — «Алые паруса», поскольку эта книга для девочек программная, пусть и не входящая в школьный курс обучения, но это основа, идеал нашей отечественной культуры межполовой любви. Так что понимание любви в ней присутствовало...

Эти зачатки, взятые в Азии, и надо было развивать. Содрать верхний слой, налет, нанос последних лет жизни. Ну, а налет этих лет был, конечно, жуткий.

Или вот еще блатная, зоновская, свойственная всему теперешнему нашему социуму привычка во всем искать ущемление собственного достоинства и исповедование этого достоинства как величайшей ценности, вплоть до смертоубийства, до вендетты, с восклицанием: «Ведь он же тебя унизил!..» —

Как будто ничего более важного, чем ощущение собственной самости, в жизни у нас уже нет!

Честно сказать, весьма много любопытного...

3

Помня о своих «воспитательных» задачах, я продолжал ей писать письма, на которые она все никак не могла набраться смелости грамотно ответить.

milashke

...Образование — это не просто получение какой-то специальности или начало выстраивания деловой карьеры, что постоянно твердит тебе мама, специальностью можно овладеть и самоучкой, получить ее на курсах и в колледже; нет, высшее образование — это выход человека в совершенно другой мир, это приобщенность к совершенно другому образу жизни, это как бы пропуск в закрытый клуб, куда без билета люди не допускаются. Пропуск в совершенно иную среду, в определенной степени уже достаточно узкий круг людей, узнающих друг друга по характерным отличительным особенностям, как будто по какому-то шеврону на рукаве, просто по выражению глаз, по общему, одному на всех объему знаний и образу мышления, по жизни с постоянным присутствием книг и интеллектуальных упражнений, по вырабатываемым навыкам поведения, по тому курсу наук, общему для всех решительно высших заведений — неважно инженер ты или гуманитарий, — пройдя который человек попадает в разряд по-особенному скроенных людей. В своего рода касту, в открытую касту, в которую любой человек может демократически попасть, лишь

приложи усилия, отдай пять лет усидчивости и лишениям, сделай над собой такое — и вступишь в общество людей, всегда котиравшихся выше, чем люди просто необразованной жизни.

Но здесь на самолюбие она не купилась. Напротив, я натолкнулся на мощнейший ПТУшный патриотизм. Этакая апология ПТУшности. Местечковая правда.

— А если я никогда не использую это высшее образование? — Если я просто выйду замуж и нарожаю детей, зачем тогда оно мне?

— Да ты все равно передашь это своим детям. Образование никогда не востребованным не остается. Дети будут тебе потом благодарны. И вообще, все полезное нам приходит чаще всего неожиданно и через нежелание. Как армия, например, как сходить на войну, как пожить в одиночестве два года на метеоточке...

milashke

Например, то, как ты одеваешься сейчас, — это просто недоразумение. У тебя нет совершенно вкуса. Твое непонимание гармонии удивительно, потому что иногда в тебе бывает столько понятливости, и ты бываешь такая красивая, что просто диву даешься, откуда берется у тебя такая красота.

Для начала и прежде всего тебе надо делать прическу. Прическа делает из тебя даму. Любое поднятие твоих, как у ведьмы, распущенных волос наверх делает тебя из простоволосой чувырлы произведением искусства. Ты не замечала? Да просто уже схваченные наверху резинкой волосы превращают тебя в красавицу. Как это можно не видеть?.. С твоей шеей, с твоими плечами, которые не видны из-за распущенных волос, с твоей линией подбородка, которая не видна, когда волосы закрывают лицо, ты так много теряешь. И неважно, что становятся видны слишком оттопыренные уши. С такими чудными волосами уши могут быть какими угодно, а с самими волосами можно делать столько совершенств! Нужны лишь фантазия и желание. А у тебя всего этого нет. Есть лишь полное убеждение, что у тебя полно вкуса и ты в одежде дока.

И потом грим. Избыточность грима делает тебя совершенно вульгарной. Столько краски не может выдержать ни одно лицо. Во всем должна быть мера. Ладно, если ты делаешь что-то аван-

гардистское и кладешь на веки блески, как у Эмо, тогда толстые черные линии по ресницам и векам как бы уместны и коричневый тон, которым ты закрываешь свой шрам и кладешь на скулы, как-то простителен. Это скрадывается. Но толстый слой краски преимущественно вокруг глаз и без блесков — это чудовищно. Это жутко. К тому же тоновый крем, какой-то дешевый китайский крем, так темен, что еще более усугубляет вульгарность и делает тебя похожей, извини, просто на проститутку.

Надо ходить на выставки, надо интересоваться искусством, надо приучать себя к цвету, нужно получать образование; образование — это основа, оно важнее всего. Твое впечатление о высшем образовании происходит только от контакта с курящими в тамбуре студентками, когда ты едешь с ними в электричке, которые, похваляясь своей учебой и сексуальными подвигами в современном учебном учреждении сами из себя не представляют ровным счетом ничего.

4

Раззадорив ее письмами, я наконец добился того, что она мне ответила... Расхрабрилась и, несколько стесняясь предстоящих грамматических оплошностей, написала совершенно неестественным и штампованным, кондовым языком, но все же страстно и с убежденностью в своей правоте:

shifu

На самом деле то, что вы тут писали, я с этим абсолютно не согласна! Вы это все пишете от себя, так как вы хотите видеть, но вы глубоко заблуждаетесь. Присутствует, конечно, и доля правды в ваших мини «рассказиках»!

Вы пишете, что я ПТУшница, и что весь окружающий мир, тоже относится к этому разряду. Я вам объясняла не однократно, что может так оно и есть (пусть даже останется это выражение ПТУшница, которое так вам нравится), но каждый человек проходил по этой дороге, каждый почувствовал, что такое «птушная» жизнь, и вкусил этот плод жизни! Даже вы, как вы себя считаете «интеллигентным» человеком, вы тоже побывали в этой «шкуре», и я могу поспорить что вам нравилось ощущать себя птушником!

Поэтому не надо судить, что птушный мир ужасен, что в нем только глупые и бездарные люди, это не так, есть куча талантливых людей, которые хотят и любят жить именно птушным образом жизни, но это их не делает глупее!

По поводу моей души и моего тела, вы пишете что эти две «вещи» не совместимы, что это не одно целое! Здесь я с вами могу тоже поспорить!

Моя душа принадлежит моему телу, а мое тело принадлежит моему разуму. Моя душа ни как не может находиться без моего тела, она не что без тела, так как и тело ничто без души, вывод: все взаимосвязано! А управляет и душой и телом, мой разум! И только он дает сигналы, когда любить, когда страдать, когда переживать, когда сочувствовать! Повторюсь, еще раз, никак моя душонка не может все это проделать, без моего разума, потому что душа это абстрактность, она не понимает не чувствует не болит, без сигнала!

Вы говорите, что я люблю находиться в эпицентре внимания, быть лидером во всем, упиваться тем, что мне делают комплименты, обращают на меня внимание, да это так. И я не, сколько этого не стыжусь и не считаю, что в этом есть что зазорное! Я сама старалась этого всего добиться, шла к этому, хотела быть лидером во всем, хотела, чтобы мне подражали, чтобы меня все любили, да мне этого хотелось, и вот я этого добилась! Вы считаете это плохо, но почему?

В детстве меня дразнили, обзывали, мне было очень больно, вы себе даже не представляете, я смотрелась в зеркало и думала, зачем меня мама родила, лучше я бы умерла, думала о том, чтобы покончить с жизнью! А потом в один прекрасный день поняла, что это не выход из положения, и я решила стать красивой, всем на зло! Я ждала время, когда я сформируюсь, и вот когда пришло мое время, и я научилась, как нужно обращать внимание людей на себя, я стала этим пользоваться. И я горжусь, что я смогла доказать себе и окружающему миру, что я не гадкий утенок, а красивый лебедь! Я не делала ничего постыдного, я не спала ни с кем направо и налево, я просто принимала их внимание и комплементы, и мне хватало этого. Это у меня как стимул жизни! Как в спорте достижения! Я не живу только этим, это у меня своего рода развлечение!

Продолжение следует

Мы провели работу над ошибками, это тоже мной предполагалось. Писала она намного хуже, чем говорила, я уже не говорю про орфографию, но когда она начинала писать, с нее слетала вся ее свобода выражения и умение излагать свои мысли! Она была как воин в тяжелых доспехах. К тому же я объяснил ей, что она очень плохо еще разбирается в онтологических вопросах взаимосвязи души и тела. Что есть множество теорий, и одна интереснее другой, и что нашим узко практическим представлением о мироздании не объять весь окружающий мир, что он намного шире, загадочнее, прекраснее, фантастичнее, много даже фантастичнее, чем в научно-фантастической литературе, но чтобы это хотя бы начать узнавать, надо опять же много прочитать и учиться.

Но с чем я не мог опять совладать, это с ее продолжающимся демократизмом. Это представляло собой непреодолимую трудность. Она была упорный фанат и цельная именно в этом образе жизни, находя в отстаивании своей птушности даже какое-то достоинство и честь.

У нее возник новый аргумент:

— Я не хочу предавать своих друзей!

После общения со мной, а потом встреч с друзьями, она возвращалась ко мне раздраженная и говорила: меня не понимают! меня не узнают! я не хочу предавать их!

Глупо было бы объяснять ей, что они, те, что уже начали учиться в вузах, через пять лет как раз бросят ее, как не вписывающуюся в их круг общения, первые.

5

В плане продолжения попыток объяснения, что такое вульгарность, я постарался объяснить ей порочность манеры знакомиться со всеми подряд. Манеру направо и налево кадрить парней. В свои едва не двадцать лет она поступала, как будто еще была в переходном возрасте. Как будто только что осознала свою красоту и не может остановиться, чтобы не испытывать ее на людях...

— Две секунды посмотреть в глаза, — говорила она, — и отвести, и больше не смотреть, — это такой у меня прием. Но он обязательно подойдет. Походит, походит где-нибудь, но обязательно подойдет.

— И зачем он тебе? — спрашиваю я.

— Он подойдет познакомиться, а это значит победа.

— Какая это победа? Зачем он тебе сдался?

— А приятно... Я ему дам свой номер телефона, и он будет звонить...

— Ты себя недооцениваешь. Ты должна фильтровать парней, по крайней мере осуществлять какой-то отбор. Ведешь себя как папуаска. У тебя должны быть критерии, не всех же подряд, на каком-то одном сосредоточься... Тебя должны добиваться, твоего взгляда искать.

Хоть бы в этом была самолюбива...

6

В рождественский пост перед Новым годом я поехал смотреть свою стройку и взял ее с собой. Со временем это у нас стало привычкой, что я привожу ее на работу и увожу домой, но тогда я взял ее в машину первый раз. Внутренность салона ее очень впечатлила. Потом мы ходили по новому дому, смотрели на лес из окон, смотрели комнаты.

— Сколько помещений у вас будет?.. Да, вот тут будет камин... Зачем вам столько комнат?.. И зачем в глуши?

— Я люблю тишину. Счастье — это покой и воля.

— Я, напротив, люблю общение.

— Это естественно...

Мы ходили рядом, было тихо, в окна виднелись ели под снегом. И на нее подействовала эта красота, удобства, простор, и она сказала:

— Да, тут уютно. Хорошо будет здесь вам жить!..

И я первый раз бросил тогда в полуштук:

— Вот и роди мне здесь ребенка.

Она рассмеялась. Вернее, отделалась смехом.

— Все хотят, чтобы я родила им ребенка.

— Так уж все?

— Да, как посмотрят на меня, сразу начинают что-то прикидывать в уме и говорить, что у меня много может быть детей. Мама моя на самом деле пять раз рожала. Правда, осталось только сейчас нас двое, — сказала она и опять посерьезнела.

Глава 4

1

Возникла в ее семье проблема с настоящей работой и с деньгами. Она было надумала убежать в Москву к знакомому мальчику, организовавшему в Москве свое турагентство, оператором, мечтая все же о своей профессии туроператора, и я постарался заманить ее на деньги. Я позвонил ей и предложил тысячу евро, чтобы быть у меня в деревне менеджером. Каким менеджером, я еще и сам не знал, надо еще было сформулировать ее обязанности, это должно было прийти позже, но идея заключалась главным образом в условии, что она в Москву не поедет. Это обстоятельство очень понравилось Наташиным родителям, и она согласилась.

Чтобы определить ей задачу, чтобы ее простимулировать, дав понять, что это не всего лишь воспитание или менторство и не халява, где не надо будет ничего делать, и не сплошная дидактика, но чтобы внести в обучение и в приобщение к культуре практический смысл, чтобы не в лоб заставить, а подойти к воспитанию более дипломатично и даже хитро, я для начала придумал ей роль хозяйки салона.

— Мы сделаем здесь своего рода клуб. Будут ездить литераторы. Это давнишняя моя мечта, чтобы они не ко мне лез-

ли в дом, нарушая мое налаженное уединение, еще и со своим пьянством и разговорами об обидчиках; они ведь все сейчас стали «инвалидами перестройки», все побитые жизнью, а тут и красивая природа, и привольно, и можно общаться друг с другом, и я не могу отказать им приезжать ко мне по старой дружбе, как бывшим соратникам по цеху. Так вот, чтобы они не обременяли меня в моем доме, я бы им создал клубик и что-то вроде гостиницы. И ты бы была к месту.

Мы обошли здание магазина, и я сказал, как можно сделать перестройку, что усовершенствовать, доделать еще один этаж и т. д.

Она приходила теперь ко мне домой на весь день, причем я сказал, что это будет ненормированный рабочий день. И пока суд да дело, я ее заставлял читать книги и смотреть нужные мне фильмы.

2

Я заставил ее посмотреть на компьютере фильм «Остров» Павла Лунгина про монастырскую жизнь, с Мамоновым в главной роли кочегара-святого или старца-провидца. Особенно интересный тем, что жизнь монахов тут приближена к жизни мирских людей, так же борющихся, как и простые люди, с понятными человеческими слабостями и недостатками, с гордыней, с желанием почестей и маленьких удобств, что очень остроумно подчеркнуто режиссером даже в подборе актеров, взятых из очень известного бандитского сериала.

Она просмотрела в одиночестве, пока я, оставив ее за компьютером одну, ходил на свою дежурную лыжную прогулку. Сама Наташа на лыжах после своего давнишнего зимнего инцидента со сломанной ногой кататься не решалась.

— Неинтересно, наверное? — спросил я после своего возвращения. — Скучно?

— Нет, если бы скучно было, я бы не смотрела...

Это меня порадовало.

Я поручил ей заняться компьютером, и это ей удалось вполне. Тут, как вся молодежь, она была гораздо продвинутое меня, не

ленилась, ей даже нравилось разбираться в хитростях программ и опций, и она оказала мне немало помощи в установке и освоении нового программного обеспечения и налаживании бесперебойного обмена информацией с моей конторой и даже заказала для моего глухого угла установку спутникового Интернета, создав с конторой связь он-лайн. Что тоже, в общем-то, было не лишним.

Так что какую-то часть денег она отработывала. Но чтобы это в остальном не выглядело синекурой, чтобы она не развращалась бездельем, требовалось занять и остальное время ее у меня пребывания.

А поскольку цель подготовить ее к роли хозяйки салона, как я условно это назвал, была обозначена, мы с ней начали изучать этикет. Это тоже входило в программу. Я дал ей прочесть кое-какие книги. Она все освоила.

— Да я и так все это знала, — как обычно, самоуверенно сказала она, — мы в колледже проходили.

— Отлично, это видно. У тебя на самом деле манеры достаточно хороши. И говоришь ты изумительно. И словарный запас у тебя, откуда что берется, очень широк. Сейчас, когда ты делаешь мало ошибок в произношении и ударении, особенно стало бросаться в глаза, что у тебя превосходная интонированность голоса, особая чудесная модуляция, сам голос поразительно красив, и говорить ты можешь очень свободно на любые темы. У тебя просто талант к общению. И ума достаточно. Знаний не хватает, но это поправимо, все в твоих руках. К тому же ты умудряешься сделать как-то так, будто ты что-то о предмете разговора знаешь, и это производит приятное впечатление. А когда не знаешь, тоже не теряешься, просто искренне мило смеешься.

На это она заметила:

— Я такой способ выработала: когда мне стыдно, я хохочу. Очень помогает.

— Ты еще и умница. Главное, смеешься искренне, получается, что даже не краснеешь, а смеешься над собой. Очень подкупает, по крайней мере нетрадиционно. Я так не умел, я всегда комплексовал и краснел, а тут у тебя, я смотрю, целая школа. Это много. Ты просто находка для такой роли. Хозяйка общества. За малы-

ми тонкостями. Есть определенные задачи, какие ты должна решить. Освободиться от проколов в общепринятом смысле. Есть такие вещи, какие не приняты и какие сразу бросаются в глаза. Скажем, самое первое и бросающееся в глаза слово «блин», которое ты употребляешь слишком часто. Это лишь пример того, что ты не всегда смотришь на себя со стороны и не сопоставляешь свое поведение с поведением нужным, так называемым нужным, что ты не знаешь даже еще этого нужного должного поведения. У тебя все в семье говорят это слово, и оно стало привычным, и тебе кажется, что тут нет ничего зазорного. Но в этом и тонкость.

— Но у меня родители никогда не ругаются матом.

— Я это признаю.

— Ни папа, ни мама. И меня лупили, когда я приносила с улицы что-нибудь подобное...

— Я уже убедился, что у тебя очень правильная семья, этакая патриархальная на старый манер, как это проповедовалось в старину, «малая церковь», союз для воспитания хороших детей, я вам иногда завидую. Патриархальна, старообрядна, и это заметно по тебе. Что-то даже от домостроя?

— В каком смысле «от домостроя»?

— Не пугайся, это не в осуждение. Принято считать, что домострой — это плохо, в школе нас учат, что это все прошлое и мракобесие. Нас тоже учили. Но в этом мракобесии, понимаешь это со временем, подчас так много положительного, что начинаешь задумываться, что именно прогресс и немракобесие как раз и есть нехорошо. Но это вопрос отдельный, а я говорю о другом. Неприличные матерные слова ты не употребляешь, удивительная вещь для ПТУшницы, среди которых вообще все поголовно матерятся, но с другой стороны, слово «блин» в силу невысокого культурного уровня вашей семьи — извини, что есть, то есть — осталось у вас незамеченным, а это тоже далеко не литературный стиль. Ты вот обратила внимание, осознала теперь некоторые особенности языка, поняла, что люди говорят по-разному, кто во что горазд, и вроде понимают друг друга, но есть один литературный нормированный язык, которого иногда в определенных обстоятельствах следует придерживаться, не сбиваясь на язык разговорный,

и это определяет твою воспитанность и принадлежность к кругу людей, как бы это сказать... от которых не ждешь оплошностей. Другими словами, образованных. К людям, которые тоже знают, кстати, много жаргонизмов и диалектных слов и могут употреблять разные выражения при случае и для произведения впечатления, для выразительности, для украшения речи, в порядке остроумия, мало того, они даже знают, откуда каждое выражение или слово идет, из какого жаргона, но так же прекрасно сознают, в какой ситуации его употреблять можно, и используют его, только когда оно уместно. Заметь, вот когда ты говоришь «не парьтесь, Александр Борисович»...

— Это я в шутку, — сказала она смеясь.

— Понимаю, не совсем дурак. И понимаю, что ты на это и рассчитываешь, что я пойму и оценю твой юмор. Ты тоже чувствуешь, что в определенной обстановке употребить это выражение можно, оно уместно, потому что ты говоришь это для смеха, так сказать, шутливое юмористическое нахальство, очень подкупающее, кстати, и все вокруг, не только я, все это понимают и всегда поймут. Выражение экспрессивно окрашенное идет из молодежной среды, ты этот экспрессивный момент учитываешь, и выглядит это мило. Но представь, что ты употребила бы это выражение повсюду: на работе, на деловом приеме, с незнакомыми людьми.

— Понимаю. Это было бы круто...

— Понимаю, смешно. Но не то выражение. Люди бы просто не смогли оценить. Есть моменты, когда это неуместно. Идет деловой обед, деловая речь, лекция. Это тебе не надо объяснять, ты это, в отличие от твоей среды, повторяю, чувствуешь. Но вот совершенно не вчувствовавшись, не отдавая себе отчета в экспрессивном моменте этого слова, говоришь без конца «блин». Согласен, в семье так говорят, но ведь мир семьей не ограничивается, у тебя же в семье говорят все еще с частицей «ся». Продолжают говорить. Ты от нее отвыкла, ты обратила на нее внимание и себя от нее отучила, а они на нее продолжают не обращать внимания. Им она не мешает, да и на самом деле в их жизни она им не мешает. В их работе она не помеха. Хотя для высшего проявления профессионализма в сфере начальственных должностей или работ интеллигентского плана, скажем, диктора, лектора и так

далее, она бы обязательно бросалась в глаза. Но тебя-то мы ведем как раз к сложной роли. Ведь даже в роли оператора турагентства она как бельмо в глазу, эта возвратная частица «ся». Она выдавала в тебе человека не очень грамотного прежде всего.

Сколь забавна для простых людей украинская речь. Обрати внимание, простые, не провдвинутые в языковых тонкостях и не слышавшие диалектов люди считают, что вся украинская речь — это ошибки. И смеются. Точно так же и носители так называемого литературного русского языка, в основу которого положен московский говор, считают ошибками все, что говорится не так, как у них заведено. В их Московской области. С волками жить, по-волчьи выть. И чем человек имеет больше претензий считать себя образованным, тем более он чванлив и тем более строго к ошибкам других относится, с этими их московскими «булошная», «молошник». Это инстинктивно происходит. Только для специалистов, для диалектологов, украинская речь может казаться более напевной и музыкальной, чем русская речь, а язык окраин более выразительным и ярким. Но это для слишком образованных. Нормальный же, обыкновенный носитель литературного языка морщит нос на любое диалектное слово. А уж не-литературное и подавно.

Так вот слово «блин» там, в какую среду ты из Средней Азии приехала, да и всюду, считается за просторечие. Я с молодости навсегда запомнил фразу нашего преподавателя русского языка в университете, которая говорила, что выражение «идите на фиг» — это просто фиговый листок на том месте, куда тебя в действительности посылают. Ты знаешь, где располагается фиговый листок? Для солидного общества и солидной, так назовем это, обстановки это слово неуместно. На фиг!.. Скажи ведь? Просто жесть! Так и с «блин» — это тот же фиговый листок на слове, матерящимися людьми употребляемом.

И вот еще пример, чтобы до конца добить тему. Определения уместности разных слов, даже не грубо матершинных. Смысл тонкости уже не в чванливости и снобизме носителей московского говора. Скажем, распространенное слово «геморрой». В смысле, когда говорят: «Это такой геморрой!». Для обозначения сложной ситуации. Тут, казалось бы, матом вообще не пах-

нет. Но ты же чувствуешь оттенок чего-то смущающего, согласна? Это опять дает знать эмоционально-экспрессивный момент в значении слова. Это связано с тем, что выражение обременено ассоциативностью, оно употребляется в переносном значении, как что-то неприятное, но оно настораживает своей аналогией — а ты ведь знаешь, где геморрой образуется? Вот это и смущает. В этом и загвоздка. Обрати внимание, даже неприятное выражение, какое я употребил, «бельмо в глазу», менее экспрессивно, чем геморрой, потому что эта болезнь, как ни безобразна, все же находится сверху. А чем ниже аналогия, тем грубее она кажется. И тонко чувствующий язык человек никогда не употребит подобное слово в обществе дам, скажем, или на служебном месте, оно тут неуместно. Писатель Оскар Уайльд вообще говорил, обобщая все эти вопросы уместности, да и обобщая всю жизнь, такими простыми словами: «Не надо совершать в жизни ничего такого, о чем нельзя было бы рассказать за обедом». Этакий аристократический шик. Но недурно, согласись, сказано. Казалось бы, обеденный разговор, всего-навсего... Но в этом великая мудрость.

Этикет весь в этом. Он подразумевает вечное наблюдение за собой, взгляд на себя со стороны. И его можно тоже обобщить, опуская частности, простым выражением: делать все так, чтобы людям рядом с тобой не было неприятно или неловко.

Поэтому люди и выдумали, скажем, правила, как держать себя за столом. Смысл которых состоит в том, в сущности, чтобы не испортить аппетит соседу, мало того, даже улучшить его красивой сервировкой и красивым общением.

Извини за прозу, даже когда элементарно в туалет ходишь... Этого не прочтешь ни в одном пособии, а я специально, зная вашу чувырловскую ПТУшную привычку не думать ни о ком и оставлять хоть потоп после себя, об этом упомянул, так вот, когда в туалет ходишь, надо оставлять унитаза после себя чище, чем он был до тебя.

Она захохотала. Я помнил, что ее младший брат в туалете даже не считал обязательным пользоваться смывным бачком, и поэтому попал в точку.

— Ведь кто-то, идущий следом за тобой в туалет, может подумать, что это ты...

Она захохотала еще больше, что, по всей видимости, учитывая ее систему, выдавало еще большее смущение.

— Суть этикета, если обобщать дальше, сводится вообще к новозаветному, а лучше даже сказать, к общемировому золотому правилу: «Не делай другому такого, чего не хочешь, чтобы делали тебе». Банальное правило. Так что круг замыкается, и весь этикет превращается просто в светскую формулу религиозной заповеди. От этого никак не уйти.

2

С этикетом, скажем, в общих чертах разобрались.

Теперь мне надо было как-то поколебать дремучий лес ее неосведомленности. Пустить хотя бы лучик под густые кроны невежественности. А поскольку вся наша культура стоит на греко-римской основе, я как ключ к ней, как введение в нее, в ту жизнь, в какую она, как Маугли, попала жить, придумал купить ей древнегреческую мифологию Куна, а в самом начале дал ей детскую книжечку о греческой мифологии, с детскими переложениями рассказов о Геракле, Одиссее, Орфее, Эвридике и других героях мифов, которую она прочла всего за день и с видимым удовольствием.

— Прочтя полностью мифы, ты будешь находить упоминания или сравнения с персонажами, упомянутыми там, везде, и у тебя не будет разваливаться картина, которую ты составляешь о любой прочитанной книге или просмотренном фильме. Ты хоть какое-то представление будешь иметь о преемственности в окружающем. Это основа, на которой вся наша история строится.

И, наконец, я купил ей что-то типа «В помощь молодой хозяйке». То есть всего-то три вещи, как я определил, ей надо было хорошо освоить: этикет, греко-римская культура и домоводство.

— И я уверяю, что в дополнение к тому, что ты все же ухватила в школе, этого на первых порах будет достаточно. Тебе самой интересно будет осознать изменения в себе. Хозяйка общества. Хозяйка салона. Разве не интересно?

Позже я приму у тебя экзамен.

Я сводил ее в театр. Воспользовавшись случаем ее пребывания в Москве, куда она приехала для встречи с каким-то солдатиком — очередная ее игра в заочную любовь по переписке — договорился по телефону с ее мамой, что привезу Наташу несколько позже, чем она обещала вернуться, подобрал ее после окончания увольнения солдата у какого-то кафе и сводил в театр, в котором, как выяснилось, она вообще была в первый раз в жизни. И в котором ей понравилось. На спектакль, который ей понравился тоже.

Хотя и он был не прост для объяснения. «Добрый человек из Сезуана». Прекрасный спектакль в прекрасном театре. Но трудность заключалась в том, что в пьесе самый добрый человек из Сезуана — это проститутка. Как раз то, с похожестью на что, как с идеалом теперешней жизни, и приходится все время бороться. Трудно ориентироваться в культуре, чтобы получить чистый положительный пример, всегда рискуешь попасть впросак, надо еще что-то объяснять, договаривать, очень непросто. Честно сказать, когда столкнешься с вопросом воспитания, проблематично, оказывается, в культуре найти что-то незамутненное. В отличие от того же домостроя. Но речь я завел о другом.

— Ты обратила внимание, была там в фойе в антракте среди зрителей хоть одна девушка с голым животом и поясицей? — Спросил я, чтобы хоть что-то извлечь положительное.

— Не обратила внимания.

— Уточняю. Не было ни одной.

— А им просто показывать нечего, — сказала она.

— Что верно, то верно.

Да и на самом деле, у кого еще мог быть при такой катастрофически эротичной попке и великолепной груди еще и такой плоский, лишенный абсолютно каких бы то ни было жировых складок живот. Что тут возразишь! Конечно, нечего показать. А ей есть что.

— Знаешь, Зайка, твои открытые участки тела при твоих формах, да еще при такой по моде низко опущенной юбке, что уже начало ямочки между ягодицами видно, могут быть поразительны и нужны до умопомрачения, когда надо сделать вызов. Произвести удар. Свинг. Или тот же твой удар с ноги. Если бы я имел твою попу в свое время, я бы в издательства открывал дверь но-

гой, я бы всех шокировал и издевался. Если б я имел такое, я бы их заставил покочевряжиться, этих нравственных уродов и чинуш, вечно копавшихся своими грязными руками в твоих размышлизмах, догадках и откровениях. Тогда, в молодости, надо было пробивать заслон редакторов, выслушивая бесконечные поучения, как надо писать, и получая постоянные ханжеские обвинения и упреки в аморальности, антиобщественности, а то и в порнографии, вот когда мне чего-то подобного не доставало. Как бы эти тупоголовые ханжи у меня запели! Все эти нравственные учителя! Я бы их всех до единого сразил, я убил бы их только видом твоей попы. Сразу бы всех поставил на место, поймав на их взглядах! На их показном добронравии, на их истинных мотивах, только повертев твоим эротичным местом. Как можно было бы отвести душу!..

Тем не менее, Зайка, везде существует, как я тебе говорил, уместность, так сказать, чистота жанра: там где драка, надо бить, где культура — надо обходиться любовью к ближнему. Как для разных разговоров разный язык, так и для разных обстановок разная одежда. В театр ходят в вечерних платьях, по крайней мере, не в эротичных. Если ты пришла в театр не эпатировать публику, что тоже интересно в определенных случаях, но если пришла спокойно смотреть спектакль, то обрати внимание, какими ходят сюда. Так же для работы существует деловой костюм. Мода она не заикливаются только на одной голой пояснице.

И я тебе открою одну тайну: наиболее влекущее для мужчины — скрытое тело, не обнаженное вообще. По крайней мере не до конца. Больше недоговоренности. Больше загадки. Больше желанья открыть. Причем даже рабочее деловое платье может быть настолько сексуально, особенно при твоей высокой груди, что порой даже начисто отвлекает всех от работы. Оно может быть просто сногшибательно. Одежда начинает кричать о красоте. Таким подчас даже не может быть просто голое тело.

drugu

Они с парнем в колледже поспорили, у кого из них попка лучше. И обратились к аудитории. В первую попавшуюся в колледже аудиторию вошли, сидят все незнакомые и говорят:

— Чего вам?

А они:

— Мы тут разбираемся, у кого попка лучше, зацените, — и повернулись к ним задом.

Ты не представляешь, как это все для меня сейчас интересно...

drugu

Всю жизнь я выслушивал от «ценителей» что я всего-навсего очеркист. Эссеист. Этюдник. Что мне для того, чтобы начать создавать настоящее художественное произведение и быть настоящим художником, не хватает размаха, широты взгляда, глобальности обобщений, в лучшем случае, это я получал от них комплименты, что мне особенно хорошо удаются детали. Зарисовки с натуры, отображение натуры. Что тут я могу быть даже мастером, каких, в общем-то, достаточно много, как и талантов много, но что до настоящего искусства и настоящего большого полотна мне далеко. И ведь никто из этих «ценителей» не задумывается никогда, что, может быть, хорошее «мастерское» отображение окружающей действительности — это в первую очередь и есть настоящее искусство, мало того, что в этом и заключается суть искусства вообще, и что совершеннее Божеской природы, естественной натуры, окружающего, которое мы в состоянии только воспроизвести, мы ничего изобразить и не можем. Нам к окружающему нечего добавить, со всеми нашими фантазиями и глубокомыслиями. И получается, что увидеть красоту, обобщить ее — это и есть самый верх искусства, самое главное достижение: обобщить и типизировать «натуру». Сделать с «натуры» слепок. Умелый качественный слепок. А «выдумывание» и «добавление» чего-то от себя, привнесение как бы своего, как бы суперхудожественного, грандиозного и эпохального, все это по сравнению с чеховскими «пустячками» и даже крохотными этюдами того же Шишкина как раз есть ничто, пустое, это все от лукавого. И укорять, например, художников-пейзажистов за то, что в их пейзажах и этюдах отсутствует замысловатость, громадьей идей или важность умозаключений, это все равно что предъявлять претензии вообще к живописи. В конце концов, ведь от любого великого и глубокомысленного произведения остается все равно только натура. Те маленькие кирпичики, которые мы, незаметные и неизвестные этюдники, слепили, обожгли, обласкали, выносили, выделили из окружающего мира и которые

ми какой-нибудь модный гений, как говаривалось встарь, как готовым материалом воспользовался, построив из них свой глубоко-мысленный многоэтажный шедевр. Который потом устарел, разрушился и как обветшалое здание распался опять на составные кирпичики, из которых следующий гений может сложить шедевр еще более новый и великий. Но из тех же кирпичей! Из наших вечно остающихся жить безымянных кирпичей, из наших «этудов», из наших находок, из наших «деталей». И получается, что главное — это все равно лишь элементарный кирпич, это умение разглядеть красоту в природе, стереть случайные черты, выделить из хаоса то, что до тебя еще и не воспринималось, а после будет называться прекрасным. И люди станут при виде этого обращать на него внимание и испытывать восхищение. Все просто: лишней раз суметь напомнить людям о Боге, о великолепии Бога, без всяких горделивых потуг считать сделанное тобой выше природы и природы. Ты скажешь, этого мало? Да нет же! Это страшно много, это так много, что, пожалуй, даже является оправданием того, что ты делаешь, единственным утешением, что ты не даром проживаешь жизнь.

Вот то же самое я и делаю с Наташей. Я угадал, разглядел в ней то очарование, которое никто еще не видел, да и не мог в ее окружении увидеть без меня, без той программы для нее, которая у меня еще в мозгу и которая может привести ее к двум вариантам. Либо к тому, чтобы стать звездочкой, если мне удастся заставить ее выполнять мои рекомендации и воплощать мной задуманное, и тогда у нее может быть и успех, и она порадует своей красотой множество людей, сделается настоящей красавицей и может быть востребована всякими гениальными личностями потом для их же умопомрачительных целей, и будет работа и муж-интеллигент; либо она станет просто шлюхой, что тоже, в общем-то, входит в мной предполагаемый вариант номер два и тоже имеет свой смысл. Мы ведь жизнь прожили и видели таких много... И такие имеют в жизни место. Может быть, даже необходимы. Совсем шлюхой она не станет, гордость не позволит, но жизнь будет выглядеть как поведение шлюхи все равно. И красота ее померкнет, без утонченности и выхода ее в другую, городскую, жизнь, даже если это будет очень правильная деревенская жизнь, что для нее тоже проблематично, очень быстро отцветет,

отгорит, растратится, потеряет изюминку, свою харизму, хорошо если она еще успеет нарожать красивых детей; либо есть еще третья, что наименее вероятно в силу ее характера: она превратится просто в жену-курицу. Но основываясь на своей любви к ней, я все же хочу для нее первого варианта. Максимальной реализации ее возможностей.

Большинство пока не видит ни первого, ни второго, ни третьего. Даже она сама. Хотя и с моей подачи, от моего восхищения ею и начинает воображать о себе невесту что. Обрела великое самомнение. Что моей тактике только вредит. Гордыня ей застилает глаза, и нет понимания, что без меня она пока всего лишь непроявленная идея.

5

В следующий раз, когда мы оба были в Москве, я купил ей костюм. Я пригласил для помощи Надежду Серафимовну, нашу няню, мы зашли в бутик и купили ей дорогой, строгий, с узкой юбкой костюм, чуть ниже колен, в котором она потом еще училась ходить, потому что приходилось ходить малыши шажками в отличие от ее всегдашней широкой спортивной ходьбы; обтягивающий ее восхитительные бедра, явно сковывающий ее роскошную грудь, которая от этого делалась только лучше.

И надо было только видеть выражение Наташиного лица, когда она вышла из примерочной!

Не столько для нее — для нее я уже не берусь судить — для меня это было такое счастье!

Это ее выражение лица...

Когда она первый раз увидела себя в зеркале.

Какой она может быть!

Какой она должна быть!..

6

Я свозил ее на несколько художественных выставок. На какую-то выставку новых изобретений и достижений, рассчитанную на молодежь, но больше всего на меня впечатление про-

извело наше с ней посещение Третьяковки. Мы прошли через все залы, и она не нашла на картинах ни одного красивого женского лица. Я был даже ошеломлен этим. Тем, что был согласен с нею. Пытался припомнить свои старые посещения Третьяковки в одиночестве, мое удовольствие, мой трепет от вида полотен старых мастеров, но как ни принуждал себя к прежнему восхищению, видимо, эмпатически настроенный на ее восприятие, я не мог его испытать, я смотрел на картины ее глазами и сам не видел никаких достоинств и тоже ни одного красивого лица среди царских фрейлин и герцогинь не находил. Мне было достаточно только перевести глаза с картины на нее, чтобы в этом убедиться.

Я удивлялся и не мог найти причину, почему проигрывают в моих глазах все женские лица. Пейзажи ее не занимали, краски и техника тоже, я смутился только однажды, когда она встала перед картиной «Мезальянс», очень двусмысленное в этот момент для меня произведение, но она посмотрела молча и прошла.

Но от чего она испытывала восторг, так это от встреч с портретами ребятишек. Детей. Ими она искренне восхищалась. Любыми. Начиная улыбаться, и для них у нее всегда находилось много теплых слов. Это говорило что-то об истинной ее природе, о ее архетипности.

7

Если уж быть честным, то это тоже шло от их семьи, от матери, от отца. И это тоже.

Родители ее родились в очень провинциальном городке, прожили там большую часть жизни и общались с людьми специфического плана: со ссыльными, окончившими свой срок, уголовниками. Например, отец рассказывал о своего рода достоинстве блатных, об их жизни по понятиям, о ворах в законе. Например, он любил говорить о том огромном впечатлении, какое произвело на всех в городе его детства появление вышедшего на свободу уголовника, проигравшего в тюрьме в карты свою мать. Проигравший в тюрьме, по закону их блатной чести, должен был совершить то, к чему принуждал его проигрыш, при любых об-

стоятельствах. Это непреложное правило, картежный долг был товал как нечто неоспоримое. Ничто не могло отвратить человека от его исполнения. Мать он обязан был убить. И вот, выйдя на волю, он два дня мучился, живя дома, а потом сам сказал матери обо всем, что должен сделать. И выйдя из дома ночью, пошел на железную дорогу и лег на рельсы. И погиб под поездом. Так его хоронил весь город! Весь уголовный мир хоронил его как героя, от дома до самого кладбища блатные несли его гроб на руках.

Но, как ни был он увлечен блатной экзотикой, присутствовала в нем еще и патриархальная семейственность. Как бы там ни было, он был правилен именно своей любовью к детям и семейной простотой. Много детей, строгое воспитание, особенно терпеть не мог разврата, жили по старинке, дом полная чаша, вся необходимая обстановка, все удобства, он зарабатывал, жена послушная верная хозяйка, оба красавцы, образцовая семья, в девочках распутство пресекал в корне, воспитывал в целомудрии. Как ни удивительно было, и Наташа исповедовала эти законы, и мать строго смотрела за ней, видя ее развивающиеся формы. Самое позорное в семье это было распутство. Святое — семья. В азиатах ценил то, что те живут для детей, и подмечал, отдавал им должное, не в пример соотечественникам, о которых говорил с горечью, что азиаты имеют привычку делать ставку на кого-то одного из своих детей, а их у них до десятка; выбирают одного и в него вкладываются, ведут, пасут, дают образование, и этот, выбранный, потом вытаскивает всех остальных. В Азии отец был королем, всегда умел заработать деньги, открыть какой-нибудь бизнес, разводить свиней, торговать медикаментами, подержанными машинами, привозным из России лесом, придумать еще какое-нибудь новое направление, всегда был лидером, обладал более высоким, чем у большинства там, полученным все же в России после армии образованием, был легок на подъем, и там у него было все, а в России, в которую уже приехал жить, он не умел найти себя, не получалось, но тем не менее он не пил, не терялся, не расслаблялся, делал любую работу, любое дело мог начать с нуля, был уперен и не сдавался. И цель его была единственная — дети. Он был очень неоднозначен и правилен для нашей страны. Он вну-

шал глубокое уважение. Он напоминал мне, притащив их, видимо, тоже из Азии как из заповедника, о тех ценностях и том духе семейственности в доме, какие и у моих родителей в былые времена дома существовали. Это же семейственное я иногда узнавал и в ней, когда она забывалась за книгой или за монитором компьютера.

Реанимированная семейственность, привезенная из среднеазиатского музея, музея нашей, русской, оставшейся еще там до совсем недавнего времени самобытной культуры.

Иногда, сидя за книгой или перед монитором компьютера, чтобы было удобнее, она убирала волосы назад, перехватывая их сзади просто резиночкой, и забывала про меня, переставала помнить о необходимости производить впечатление, уходила с головой в изображенное на дисплее и вдруг превращалась просто в красивую девушку, в изумительно красивую девушку, на которую я смотрел, затаив дыхание, боясь, как бабочку, такую красоту спугнуть; в девочку, в самую невинность, в редкой красоты девочку, перед которой забываешь, что у нее высокая грудь, что она формами выглядит как модель с обложки современного журнала, и терялся от того, что у нее, несмотря на отсутствие высшего образования, было все, что только нужно, даже больше, чем нужно, больше, чем любое образование и культура могут дать... И закрадывалась мысль: зачем я ношусь с этим образованием вообще?

Или лучше нет, расскажу, как однажды приехал к ним домой в их поселок по делам, касающихся нас с ее отцом, и, стоя перед дверью, уже слышал, как в квартире их мама, занятая в кухне, кричала вглубь квартиры, чтобы кто-то открыл мне дверь, потому, что сама была занята приготовлением обеда. И мне дверь открыла сама она.

— Заходите, — проговорила мать, извиняясь и суетясь в кухне, — посидите пока у Наташи, будем скоро обедать.

От чего я при своей холостяцкой жизни не мог отказаться. Доносящиеся из кухни забытые мной уже запахи борща и аромат приготовленного по привезенному из Азии рецепту плова. Все сделано для обеспеченной жизни, и отец, довольный, что я пришел к нему в дом, показывал мне все с радостью и гордостью,

как он все среди всеобщей разрухи и запустения, поголовного поселкового пьянства устроил, как хорошо отделал квартиру, какие создал удобства. И наливал мне коньяк, от которого я, естественно отказывался, потому что был за рулем. Тогда меня пригласили остаться ночевать. По-простецки, в полном соответствии с духом их непосредственных отношений. На которые я попадаюсь опять. Тепло и хорошо у них в доме. Целый выводок детей, приходящие в гости, уходящие, просто поток, в основном, к Наташиному младшему брату. Огромный портрет погибшей дочери на стене в гостиной. Абсолютная семейственность. Дом как крепость. В котором никакие не достанут катаклизмы, и даже Армагеддон 2012 года.

Я уже говорил, что она, как пустая колбочка, наполнялась тем содержанием, какое было в этот момент вокруг. Это, я потом убедился, происходило многократно и постоянно, никаких не было сбоев, эта ее особенность была поразительно устойчива. И не было тут никакой игры или позы, она была абсолютно искренна, всегда включалась в окружающее без задней мысли, полностью отдавалась окружающей обстановке и была в любой из них непосредственна и естественна и в течение еще долгого времени отражала окружение. А тогда вокруг находилась ее семья, и она была наполнена тем, что было в ней изначально. Родительский кров, дом, их гнездо, уют большой трехкомнатной квартиры, их хлебосольство, старинная патриархальная доброжелательность и распахнутость любому симпатичному для них гостю. Родительская любовь к детям и своей семье, это чувствовалось однозначно, виделось отчетливо, что люди живут именно семьей и родовыми отношениями. Ее младший брат в детской комнате, еще какой-то двоюродный брат, в этот момент приехавший к ним с ночевой, тоже младше ее, прыщавый долговязый подросток, над застенчивостью которого Наташа посмеивалась, дурачась и обсуждая его отношения с девочками в классе.

— Вот сегодня спать будем вместе, — сразу раскрывая их семейную родственную манеру тесных простонародных, и в то же время патриархальных, в которых изначально чувствуется целомудрие, отношений, — и я буду тебя соблазнять! — Говорила, смеясь и продолжая дурачиться, пока я сидел и смотрел, а по-

том продолжала еще и хохотать над детскими шуточками по поводу их учителей в школе, о которых младший брат принес заснятые на мобильное видео клипы, положенные на музыку. Например, клип с учителем труда, который вечно, рассказывая, размахивает перед собой руками, они в школе положили на рэп. Заснятую на видео учительницу географии, которую десятилетиями все знают, как носящую один и тот же зеленый костюм, с большой толстой грудью, по прозвищу Глобус, положили на какую-то любовно-чувственную песню. «Прикольно» получилось, она что-то рассказывает, шевелит губами, и то одну дужку очков возьмет в рот, то другую, и все это так совпадает с музыкой.

Хохотала вместе с окружающими ее пятиклассниками. Такая детская чушь, и было видно, что она не снисходит к ним, она этой наивностью в этот момент искренне живет. Вся дышащая невинностью и простотой замкнутого мира их дома, с непоколебимым постоянством, с трезвой и правильной жизнью, и любовью своего отца, без всякого грима, с волосами, собранными в узел на затылке, в шортах, в кофточке без всякого лифчика, в котором ее грудь и не нуждалась, и которая в этот момент и не вызвала жадных мыслей, не воспринималась как вожденная, в по-детски завязанной на животе рубашке, без всякого кокетства. Это при всех остающихся своих формах и достоинствах! Это лишь подчеркивало фантастичность ситуации, какой красивая девушка может быть в домашней обстановке! В обстановке патриархального быта. Совершенно ангельское лицо. Чуждое всякого позерства. И в то же время, пребывающее в детском счастье оттого, что она в семье любима, и что она любит в семье всех. И глядя на которую, пребываешь в зависти к этому давно уже покинутому семейному счастью, к чему-то ветхозаветному, из времен далекой своей молодости, и к тому из ребят, кому эта бесхитростная и такая обещающая столько будущих радостей красота достанется. Кто еще только в будущем оценит ее и поймет.

Провождала она меня одна.

— Какая красивая ты дома! — Сказал я, стоя на лестничной площадке.

— Это я не накрашена.

— Это-то, оказывается, и хорошо!

— Мой Сергей, что сейчас в армии, тоже говорил, что без грима я похожа на ангела.

— Ты и есть ангел, — произнес я.

...Вот это архетипное и таилось в ее глубине.

8

podruge

Я вчера был на годовщине смерти ее сестры, Машеньки. Пригласили, я не мог отказаться и приехал, чтобы поднять рюмку водки и сказать несколько слов. Много народа, арендована была целая поселковая столовая. Были родственники, целый клан, оказывается, рассеянные по близлежащим городкам и поселкам, множество детей, дети из школы, где училась ее сестренка. Бывшие соклассники, сверстницы, сверстники. Чуть ли не вся школа. Мелочь, конечно, в основном, еще.

Может быть, и не в коня корм, и не многим понятно было, но я высказался о своем восхищении их семейством.

Я сказал, что таких семей сейчас уже нет, настолько дружны они и любят друг друга. И с завистью проговорил о том, что понял, насколько была хороша и никогда лично мной не виденная их погибшая дочь не по хорошим словам, какие тут высказаны были подругами и которые, конечно же, приятно было слышать и которые говорят об их к ней отношении, не по сокрушенной горечи родственников Маши, их папы и мамы, а, по словам ее старшей сестры Наташи, с которой мне последней время, с ней и с ее отцом, пришлось вместе работать. Мне, стороннему человеку, всегда было несколько неловко в ситуациях, когда родители в присутствии Наташи, возвеличивали и хваливали свою ушедшую дочь, считая, что она была самым лучшим и любимым их ребенком, их удачей, их надеждой, их сокровищем. Так вот меня убедило в том, что Маша была на самом деле такой девочкой то, что и сама Наташа, ее старшая сестра, без всякой ревности и обиды придерживается точно такого же мнения, считая, что Машенька действительно являлась самым лучшим из детей их семьи и самой ее лучшей в жизни

подругой. После таких слов начинаешь действительно жалеть о том, что сам лично ее не видел...

О таких говорят, что Бог их любит и хочет держать их поближе к себе. Кто знает, может быть это и хорошо.

9

Оставя на какое-то время пропаганду высшего образования, я, желая все же помочь их семье и отвести огромное количество грядущих бед, какие мне мнились в их дельнейшей жизни на их родине, я задумал объяснить им пагубность присущей всему их семейству агрессии.

Я начал заговаривать об отстоявшемся уже к тому времени для меня, не догадке даже, а устойчивом убеждении, что это является причиной всех бедствий и несчастий их семьи. После того, как Наташа рассказала мне эпизод со смертью влюбленного в ее бабушку человека, про то, как он в ответ на презрительный отказ демонстративно разбился на ее глазах на мотоцикле, у меня в уме выстроились в систему все неудачи их семьи, неудачи отца в деловом отношении, все более трудная жизнь всех их родственников после отъезда из Азии, страшная гибель Наташиной сестренки на железнодорожных путях, бесконечные травмы самой Наташи, начиная с глаза, шрамов на теле, неоднократные наступания на гвозди, так что острие выходило сверху ступни, и кончая тяжелым переломом ноги, когда кость год была на штифте, а потом через год, когда его еще и извлекали, снова пришлось делать серьезную операцию с наркозом, проблемы теперь уже и с младшим братишкой из-за его драчливости, так что к ним не раз наведывался уже участковый с жалобами на его агрессивное поведение в школе, говоря, что он даже со старшеклассниками дерется как зверь, жестоко и отчаянно, и что в школе его уже все боятся, а взрослые не знают, что и делать, что, кстати, отцом и всеми в семье воспринималось только с улыбкой и спокойным снисхождением, — вследствие всего этого, веря своему чутью и опыту и массе жизненных наблюдений, я заключил, что все несчастья их семьи, невзирая на их внушающую симпатию семейственность и патриархальность и

любовь внутри семьи друг к другу — от их внутренней родовой гордыни и агрессии. И постарался это до них донести. Конечно, всегда трудно объяснять и растолковывать что-то подобное людям, никогда не думавшим на такую «отвлеченную» тему, поскольку, на первый взгляд, это такая заумь. Но можно было попробовать хотя бы намекнуть, что безнаказанными гипертрофированная гордость и презрение к жизни других людей никогда не остаются, что, как ты не люби свою семью, презрительно относиться к своему народу, пусть даже ты и прав и люди этого заслуживают, нельзя, это несправедливо, природа таких вещей не терпит. И потому что это же твой народ! Потому что ни одна маломальская структура, ни даже сообщество самых элементарных микроорганизмов не живет, не строится на ненависти и презрении друг к другу ее составных частиц, не строится на индивидуализме и обособленности, все мельчайшие единицы выживают только в системе, во взаимодействии, во взаимопомощи и гармонии, в любви друг к другу. А с другой стороны, ни один, пусть самый гениальный, ницшеанец не положит начало своему собственному роду, как ни трудись он по созданию своей семьи, с каким тщанием не окружай ее заботой, какую ни заслужи себе мировую славу, обеспеченность и память потомков, семья его обречена на вырождение, как геном, как ненужный штамм, ницшеанская единица, преисполненная гордыни, в родовой патриархальной системе исчезает. Если не в период собственной жизни, то в период жизни своих потомков. Для меня, много времени посвятившего интересу к подобным вещам, таким и виделся главный закон Кармы, Возмездия, Осириса, Парок, и, Боже мой, это можно было бы продложить на примерах любой оккультной системы и любой религии. Таков общий закон природы. На каком-то тонком уровне это является главным универсальным правилом и срабатывает всегда.

Клясть людей — это всегда возвращается обратно. Презрение к жизни других семей поражает потом и твою семью. А презрительное или легкомысленное отношение к влюбленным в тебя, надругательство над влюбленными, отказы людям, насмешки, списки мальчиков в двести пятьдесят телефонных номеров, пусть ты даже неимоверно красива, и даже именно если

красива, потому что красота и вызываемая ею любовь, вещи во многом таинственные и могущественные, часто даже очень опасные, — это все просто игра с огнем, это вызывание бед на свою голову.

Вот это-то мне и хотелось донести. С одной стороны, мне бы должно было быть все равно, и я мог бы беспристрастно смотреть со стороны на этот очередной, подтверждающий общее правило пример, и даже с удовлетворением мог бы смотреть как на подтверждение, но слишком уж были они мне симпатичны. Главное было, сделать это осторожно. Мама ее, хотя и обладала такой же гордыней, как у всех в семье, после смерти Машеньки особенно часто стала ходить в церковь. А это значило о всепрощении и любви к людям в рамках хотя бы христианской религии ей напоминалось не раз. Это давало какую-то возможность начать разговор, но надо было объясниться самым ненавязчивым образом. А с Наташей, конечно, в первую очередь.

Глава 5

1
Я начал с наступления на ее манеру примитивно воздействовать на всех грудью.

— Это начало всей цепочки твоих несчастий, — сказал я. Что было вообще поразительно: после неглупого разговора, после обсуждения с ней какой-нибудь книги, при котором она высказывала вполне здравые и даже часто умные мысли, после просмотра какого-нибудь фильма, который она воспринимала не как пустая шалашовка, а как думающий человек, она могла выйти на мороз, на пяточок перед входом в кинотеатр с распахнутой и демонстративно не застегнутой на декольтированной груди курткой, рискуя даже простудиться, — чего, в общем-то, за ней не водилось, подобная зараза к ней, как и к отцу, просто не липла, здорова была просто по-спартански, — чтобы, стоя у урны среди незнакомых парней, покурить и покрасоваться. Или тащиться, как это у них называется, от восхищенных возгласов пацанов где-нибудь на вокзале, когда она проходит по залу ожидания, открыв для обозрения опять свой полуголый бюст. Не обращая внимания на вульгарность обстановки.

— Ведь даже твоя грудь при таких обстоятельствах теряет цену!..

Та грудь, которую я потом просто мечтал сделать моделью для какого-нибудь знакомого художника, потому что девичью,

девственно торчащую грудь не какого-нибудь, а третьего номера, которую не в силах имитировать никакой силикон, сейчас не сыщешь просто в природе. Это такая красота, что поневоле рождается желание, как любую красоту, донести ее до всех, с людьми впечатлением от нее поделиться. Так вот и эта красота терялась, когда впечатление на людей производилось всего-навсего открытым участком тела, который она выставляла вперед, чтобы какой-нибудь приклатненной внешности «кадр», взглянув на ее обнаженный бюст и проводив взглядом по улице, с восхищением сказал бы вслед: «Зае-ись!».

— Зайка, это же оскорбление!

Но ничуть, это в ее ПТУшном мире считалось за комплимент и только тешило ее самолюбие.

2

Выяснилось даже, что ей надо было вообще объяснять, что такое красота.

— Надо быть немножко неприступной. Ты себя недооцениваешь, ты изо всех сил стараешься понравиться, в то время как тебе стараться понравиться уже и не требуется...

Ты красавица!

Поговорили о красоте. Как действует ее красота на людей. Как ее порок вызывает в людях простоту в подходе к ней. Доступность. Что является ошибкой.

— К такой красивой обычно боятся подойти, а у тебя порок упрощает ситуацию, и поэтому к тебе липнут. Подход к тебе легче. Тот же ПТУшник не сказал бы «зае-ись», не будь у тебя порока. Но ты все равно остаешься красива. Именно так красива, к какой боятся подойти, ты должна приучить себя к такому восприятию, ты божественна! Твоя красота дар и обязанность, научись держать голову прямо. А ты размениваешься, как дешевка, падкая на мелочь потаскушка. Ты королева, а ведешь себя как нищенка. Тебе надо фильтровать знакомства.

Я начал приучать ее принимать цветы.

Я подарил ей большой букет роз под Новый год, сказав, что хочу, чтобы у нее дома стояли мои цветы...

Цветы надо еще уметь взять в руки.

Цветы и женщина — это вообще отдельная тема и отдельная область отношений. В получении цветов в качестве подарка тоже есть свои особенности, свой ритуал, свои традиции. Женщине надо уметь их принять и научиться быть благодарной. Ничего не обещающей взамен. Надо уметь изобразить в ответ на внимание к тебе человека ответное внимание к его поступку, потому что букет цветов — это не взятка или предплата, не грубое заискивание или твое обязательство что-то делать в ответ, это не вульгарное искательство твоего расположения, не одолжение или оскорбление, цветы вообще никогда и не могут быть оскорблением, женщина всегда обязана их принять, доставив радость дарителю. В то же время это единственный из подарков женщине, который никаких обязательств на нее не налагает, женщина и букет цветов — это просто бескорыстное признание ее власти и красоты.

А вот получать комплименты на вокзале — это безумие!

3

Несколько дней она ходила притихшая.

— А я правда красива? — стала спрашивать она.

— Зайка, ты божественно красива, несмотря на все твои недостатки. Когда-нибудь я тебе до конца объясню, что такое красота и что такое ее власть. Красота — это магия. Это из той области необъяснимых миром реальных вещей явление, которое до конца не понять. И которое только можно чувствовать каким-то шестым чувством. А небольшой недостаток твой столь специфичен, что у большинства людей, любующихся тобой, вызывает лишь желание тебе чем-то помочь, чуть подправить, сгладить и делает вообще фантастическим восприятие твоей красоты. Так тут много намешано противоречивого, сложного и в то же время влекущего к тебе, что делает тебя просто неповторимой.

Я задал ей вопрос о самой сути ее жизни. Про ее глаз.

— Про золотуху в детстве я знаю, еще знаю про близорукость, ухо одно оттопыренное вижу, про сломанную ногу ты рассказала, так называемый косметический шов на сломанной ноге, через который снимали металлическую скобу со сросшихся костей и ко-

торый явно не украшение и которого ты, слава Богу, не стесняешься, виден вследствие твоей короткой юбки всем. О болях в печени как следствии перенесенной золотухи, особенно дающей о себе знать после твоего «Ягуара», который ты все равно продолжаешь пить, о проколотых гвоздями подошвах ног, о шрамах на голених и на затылке, о плохом зрении в сумерках знаю тоже. Про неоднократный наркоз при операциях, от действия которого в последний раз у тебя была амнезия, так что маме пришлось даже долгое время тебя учить вспоминать всю себя заново, тоже слышан. А вот о глазе расскажи поподробнее, что у тебя случилось с ним?

— О, это была самая главная трагедия моего детства!... После рождения врачи, не обратив внимания на повреждение нижнего века, поставили мне БЦЖ. И прививка нашла самое слабое место и съела все веко, превратив его в лоскуток, так что долгое время, до пяти лет, у меня веко было далеко опущено вниз и один глаз был больше другого. Потом мне делали несколько пластических операций, наращивали веко, беря кожу из-за уха, там, в Азии, да и три раза возили в Москву, последнюю операцию делали в пятнадцать лет, к совершеннолетию, сказали, можно будет кожу шлифовать. Но когда я появилась в клинике в 18 лет, ответили, что лучше не рисковать, а то веко может снова опуститься. И я махнула рукой. Кто не хочет, пусть не смотрит.

— Зайка, ты молодец, ты меня восхищаешь. Я просто в восторге от тебя. Ты столько смогла вынести в жизни, у тебя такой опыт. Ты всю жизнь борешься. Видимо, тебе простительна твоя борьба за авторитет. И я думаю, что именно от этого у тебя всю жизнь война и драка. Тебе не занимать мужества. Я тебя люблю. Вот какую женщину я хотел бы видеть матерью своего ребенка.

4

Я стал обрабатывать ее на предмет женской гордости.

— Самое главное то, что женщина — это наисовершеннейшее человеческое существо. Своей маткой она напрямую связана с космосом.

Я верующий, вполне так можно сказать, и ты это правильно заметила, и потом я писатель, а эти последние очень часто слегка су-

масшедшие, не без этого, но потом они еще и очень тонкие чувствительные люди. Они часто живут и чувствуют не как другие, у них то шестое чувство, то контакты со вселенной, то вдохновения, то озарения, то мистика в голове. Но в то же время они часто и не ошибаются. И иногда их вымышленная действительность есть как раз более достоверная реальность, чем окружающая нас. Они мыслят не только логикой, они мыслят еще и интуицией, становясь провидцами и творцами, поскольку рождающий слово уже есть творец.

Но только женщина может рожать по-настоящему. Только ей позволено порождать настоящие, не созданные никаким воображением мира. Фантастичность этого явления не всегда очевидна. Женщина сама по себе и есть мироздание.

Не делай никогда аборт! Во-первых, ребенок жив уже на первых неделях, наверняка смотрела по телевизору записи УЗИ, как он двигается, как он убегает от инструмента хирурга. Мы не знаем с достоверностью, когда вселяется в него душа, когда он начинает думать, запоминать, слышать наши слова и разговоры о нем, мы только можем ставить эксперименты, предполагать и домысливать; одно очевидно, это не кусок бессмысленной и неодушевленной плоти. А во-вторых, та таинственная вещь, которая происходит в тебе, когда вдруг в тебе возникает жизнь и начинает развиваться, чтобы потом вылиться в нового человека, это такая космическая загадка и такая фантазмагория, что по сравнению с ней все твои любовные отношения, от которых все это и началось, все твои флирты, кокетства кажутся именно пустяками. И все твои страдания вне этого, вонне, все твои неудачи или достижения в работе и в личной жизни, всё по сравнению с развитием клетки и превращением ее в живую, отдельную от тебя личность, наделенную своей неповторимостью, своей особенностью, своей отдельной жизнью, осознающую себя единственной и уникальной, ничего не стоят. Ты в этот момент космос, ты сама рождающая энергия, ты творец, Зайка. Женщина — это самое высшее, что есть на земле.

...Надо гордиться даже просто принадлежностью к своему полу.

(Только позже я узнал, что эта моя пропаганда женской гордости и поощрение материнства из всего мной для нее сказан-

ного, оказали самое большое на нее воздействие. Даже, можно сказать, решающее воздействие, поскольку из-за них она родила своего первого ребенка, определив этим в какой-то степени свою жизнь. Это было самым значимым, что я сумел в нее вдунуть).

— ...Мы в молодости совершенные невежды... Мы даже и не знаем, зачем этот пол нам дан. Полагаем, что только для удовольствия. «Если твоя девушка сказала тебе, что у нее тест показал две полоски, скажи ей в ответ, что у тебя он показал шесть — пусть она в свою очередь теперь парится...» Такой расхожий для юности анекдот.

Только потом отношение к этому предмету меняется.

5

И последней каплей, последним фактом, подтверждающим мою правоту в определении причин всех их несчастий, стало для меня письмо ее Сергея. Однажды она спросила меня:

— Александр Борисович, моего парня, Сергея, который ушел в армию, я вам уже говорила об этом, я решила не дожидаться. Он меня, конечно, любит, но он деспот, как папа, а я таких боюсь. Я вижу, как папа не дает никакого спуска маме. Если он бывает в командировке, мама со мной даже на улицу на лавочку посидеть никогда не выйдет. Я говорю: мама, пойдем погуляем, а она: что ты, — и категорически отказывается. Он даже поколотить ее может. Он такой ревнивый!..

Сергей тоже не давал мне никуда ходить, он тоже заставлял меня закрывать, как вы говорите, голые участки тела, не давал взглянуть ни на кого, контролировал все телефонные звонки.

Так вот, что мне делать, Александр Борисович, он пишет, что если я его не дождусь, он там, в армии, застрелится?..